

Кондратьев Н.

СТАРШИЙ БРАТ ЦАРЯ
ТОМ 3

Россия Державная

Россия державная

Николай Кондратьев

Лекарь-воевода (части VII и VIII)

«Алгоритм»

1996

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Кондратьев Н. В.

Лекарь-воевода (части VII и VIII) / Н. В. Кондратьев —
«Алгоритм», 1996 — (Россия державная)

ISBN 978-5-501-00025-4

Писатель Николай Васильевич Кондратьев (1911–2006) родился в деревне Горловка Рязанской губернии в семье служащих. Работал топографом в Киргизии, затем, получив диплом Рязанского учительского института, преподавал в сельской школе. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. После войны окончил Военную академию связи, работал сотрудником военного института. Член СП России. Печатался с 1932 г. Публиковал прозу в коллективных сборниках. Отдельным изданием вышел роман «Старший брат царя» (1996). Лауреат премии «Зодчий» им. Д. Кедрина (1998). В данном томе публикуется начало романа «Лекарь-воевода» – третьего из тетралогии «Старший брат царя», повествующей о судьбе кровных братьев: царя Ивана IV и его старшего брата Юрия, уже при рождении лишенного права на престол... Провидение позаботилось, чтобы конь вынес Юршу – князя Юрия Васильевича – с поля брани без смертельной раны. Вторично спасло от голодной смерти, приведя на пасеку, где его выходила сиротка Весела. Значит, предопределен ему жизненный путь, а вот какой – он должен выбрать сам.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-501-00025-4

© Кондратьев Н. В., 1996

© Алгоритм, 1996

Содержание

Часть седьмая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Николай Васильевич Кондратьев

Старший брат царя. Книга 3.

Лекарь-воевода. Части VII и VIII

Часть седьмая

ЦЕЛИТЕЛЬ КЛИМ

1

Конь уходил с поля боя. Сперва он скакал по кустам. Крики, стоны, ржание лошадей, звон сабель затихали позади. Потом вырвался на наезженную дорогу и перешел на шаг. Хозяин в седле сидел смирно, не правил, на рыси неловко бился. Конь чувствовал: что-то не так, как следовало бы. Он косил глазом на седока – тело его наклонилось к гриве, руки безвольно висят.

Боль в крупе, чуть пониже хребта – заметина от удара саблей – постепенно утихала, но налетели мухи и оводы. Конь сошел с дороги, и листва смахнула надоедливых тварей. Седок не шелохнулся. Значит, можно самому выбрать дорогу.

Конь уносил хозяина все дальше и дальше. Иногда он останавливался, щипал траву, из ручьев пил воду. Но налетали оводы, и он уходил. Под вечер до сих пор молчавший хозяин застонал. Будто поняв его, конь свернул с дороги на тропу и скоро оказался на поляне около жилья – может быть, вспомнил, что тут когда-то отдыхал с хозяином. Из-под обгорелого полу-обвалившегося перекрытия землянки показалась девочка лет двенадцати, в грязном сарафанчике, с распущенными волосами. Она очень обрадовалась коню и всаднику, весело засмеялась:

– Коняшка, миленький! Здравствуй, дяденька! О! Крови-то, крови! Ранили тебя?! Что? Что? Ноги?... А, привязаны! Узлы-то какие!.. Подожди, у меня ножик есть... Вот так... И другая привязана... Вот. Ой, не падай, не падай!.. Ох, какой же ты тяжелый! Ножками, ножками...

Приговаривая и посмеиваясь, девочка то ли втащила, то ли ввела Юршу в землянку, он повалился навзничь на жесткое ложе, простонав: «Пить». Девочка принесла ковшик воды, смело подняла его окровавленную голову. У нее пропала веселость, когда вблизи увидела страшную рану через лоб, глаз и щеку с ошметками кожи и крови.

Юрша жадно пил, а вода в ковше розовела. Напившись, понял, что жив. Поднял левую руку, ощупал лицо: правая часть ничего не чувствовала – вся разбита. Протер левый глаз, осмотрелся, обрадовался – видит. Болью жгло лицо, спину, правые руку и ногу. Нашел силы спросить:

– Тряпки есть?

– Есть, есть, – засуетилась девочка, достала какую-то рвань и холст.

– Вот это, – он указал на холст, – отрежь... Ступай принеси лопухов... – Когда она вернулась, учил: – Обмой... Клади лопух. Я стану держать, а ты завязывай!.. Ой!.. Туже, туже... Вот так... Теперь давай руку лечить... Снимай кафтан... Мм... Давай, давай...

Так, охая и временами впадая в забытие от невероятно страшной боли, Юрша указывал как, а девочка бинтовала ему разрубленную в локте руку и рассеченное до кости бедро. Измученный до предела, он попросил еще пить и снова впал в беспамятство. След от сабли на спине остался не перевязанным, там кровь сама перестала течь.

Перед вечером в землянку пришла коза. Девочка подоила ее, предложила молока дяденьке, но он молчал. Попив молока, она хотела ложиться спать и тут обратила внимание, что дяденьку била дрожь.

– Беденький, ты ж озяб!

Быстро развела огонь в очаге. Уцелевшая от пожара часть землянки наполнилась дымом и стало теплее, даже жарко. Однако Юрша продолжал дрожать. Чтобы его согреть, девочка легла рядом с ним и удивилась:

– Ты чего ж, весь горячий, а дрожишь?

Она укрыла его вотолами и сама прижалась к нему...

* * *

Юрша медленно возвращался к жизни. Первое время девочка отпаивала его козьим молоком, потом кормила ржаной кашей и горохом. Приносила ему разных ягод.

Он давно понял, что его спасительницей оказалась Весела, сирота, жившая в лесу. Ее родители имели здесь свою заимку и не хотели идти ни к казакам, ни к ватажникам. Но по весне с ними что-то случилось, и они умерли в одночасье. Ватажники похоронили их, сиротка же осталась на заимке. Она продолжала верить, что отец и мать скоро вернутся. Девочка жила одна. Все считали ее полоумной. Если кто из ватажников или казаков проезжал мимо, обязательно заглядывал к ней и привозил что-нибудь из съестного, главным образом хлеба.

После нападения царевых воинов казаки и ватажники видели обгоревшую землянку и полагали, что Весела погибла. В то время было каждому только до себя.

Примерно через месяц Юрша стал изредка подниматься со своего ложа. Перевязки отнимали у него много силы. Нужно было отмачивать прилипшие тряпки, накладывать новые. Раны теперь засыпал золою можжевельника. Пригодились ему наблюдения, как лечил Сургун. Разумеется, перевязку он сам себе не мог бы делать, если бы не помощь Веселы, расторопной и исполнительной девочки. Юрша все больше и больше убеждался, что она вовсе не безумна, а просто у нее веселый нрав, и все ее смешило.

Как только Юрша начал вставать, он прежде всего смастерил себе костыль и осмотрел жилье. Кровля сгоревшей половины землянки обвалилась и образовала стену. Весела сделала лаз, прикрыла его рваным мешком. Но кругом просвечивали дыры. Ночами случались заморозки, к утру, если не зажечь очаг, в землянке замерзала вода. Осмотр убедил Юршу, что в землянке зиму прожить можно, если ее утеплить и сделать дверь.

Хуже было с запасами на зиму. Кто-то из доброжелателей весной накопил сена, но стог сгорел. Хлеб в поле стоял необранным, загородка сгорела, и звери вытоптали часть урожая. Юрша начал с того, что выходил с девочкой в поле рвать колосья ржи, оставшиеся кисти овса и собирать осыпавшийся горох. Выкопали репу, пока еще не померзла. Но всего этого было очень мало.

К тому времени как мороз сковал землю и полетели снежинки белыми мухами, они имели мешок ржаных колосьев, полмешка овсяных кистей, четверть мешка гороха и три мешка репы. Кроме того, нажали три десятка снопов разной соломы.

Оценив запасы, Юрша пришел к выводу, что до ползимы они с Веселой протянут. А дальше придется обращаться за помощью. Возникал вопрос – к кому? У большинства казаков, он знал хорошо, хлеба было в обрез. Два лишних рта никому не нужны. Ватажники, конечно, его примут, но тогда опять станет известно, что князь Юрий Васильевич жив. И вновь польется кровь! Нет, никуда он не пойдет! Он должен прокормить Веселу и себя. Он должен научиться ставить силки и ловушки. Чтобы не отошать, Им нужна мясная пища. Сейчас их поддерживает молоко козы, но скоро она перестанет доиться.

Был и еще один выход. Заимка Веселы была примерно верстах в двадцати от дальней пасеки Сургуна, где хорошее, теплое жилье, должны быть запасы хлеба и меда. Очень возможно, что там скрывается Сургун с Таисией!

Он помнил, что приказал Неждану отправить Таисию в Литву, но Неждан мог не найти Сургуна. И поэтому у Юрши все больше крепло желание пойти на дальнюю пасеку. Но если идти, то как можно скорее, пока нет морозов и заносов.

А вдруг там все сгорело?.. Тогда ему придется пойти на все ради спасения жизни Веселы... Теперь он каждый день упражнялся в ходьбе.

Итак, он решил попытать счастья и сходить на пасеку. По его предположению, это было в начале ноября. Наступили солнечные дни с легким морозцем. Захватили теплую одежду, немного ржи и гороха. Завалили обгорелыми досками вход в землянку и двинулись в поход. Для козы несли всего лишь один сноп соломы, надеясь ее кормить ветками.

Вышли еще затемно. Юрша думал за день пройти большую часть пути. Но он сильно ошибся. Помехой их движению оказалась коза. После первых пяти верст она, сделав десяток шагов, останавливалась около какого-нибудь куста, ложилась и начинала глотать кору. Не было никакой возможности поднять ее, пока она не наедалась. Таким образом до вечера они прошли всего верст семь. Пришлось дважды ночевать в лесу. На их счастье, ночи были не очень холодными и в округе волки еще не собирались большими стаями.

На третий день они вышли на обширную луговину. Хотя все здесь было сверкающе белым, а не в летнем цветении, Юрша сразу узнал пасеку. Он увидел избушку, год назад построенную Сургуном на берегу озера. Теперь, охваченное тонким льдом с темной каймой куги и камыша, озеро казалось огромным синеватым оком, смотрящим в небо. Около избушки возвышались стог сена и скирда снопов. И никаких следов человека... Юрша надеялся, что именно здесь останутся на зиму Сургун и Таисия, он хотел и боялся этой встречи. Теперь, когда стало ясно, что встреча не состоится, смешанное чувство грусти и радости овладело им. До слез опечалилась Весела – ее отца и матери здесь не оказалось.

Позднее Юрша определил, что Сургун работал тут в июле, может быть, в начале августа. Овес, рожь и горох были убраны, а репа осталась в земле. Мед не был собран, приготовленные бочки стояли пустыми. Правда, в старой землянке были запасы прошлогоднего меда – и сладкого, и хмельного.

2

Зима с ее морозами и метелями предоставила много времени для размышлений, особенно в бесконечные вечера, проводимые перед потрескивающим огнем в очаге, под шум и свист метели или под тихое волчье завывание, хватающее за сердце своей безысходностью.

Юрша был уверен, что Провидение позаботилось, чтобы конь вынес его с поля брани без смертельной раны. Вторично оно спасло от голодной смерти, указав путь на пасеку. Следовательно, ему предопределен жизненный путь, а вот какой, это он должен выбрать сам. Путь может быть долгим, потому что ему всего тридцать четвертый год...

Еще там, в землянке Веселы, как только Юрша почувствовал, что жив, поправляется, ему захотелось определить, каким он стал, на что способен. Тогда он ощупал свежие шрамы: на бедре рану затянуло, но он слегка прихрамывал. На спине давали знать раны, когда неловко поворачивался. Хуже с рукой: осталась согнутой, локоть не восстанавливается, хотя пальцы понемногу начинают шевелиться.

В ведре с водой он подолгу рассматривал свое лицо... Розовый бугристый шрам начался на лбу, повыше правого виска, пересекал бровь и нос, кончался на левой щеке ниже уха. Вместо правого глаза – темная впадина... Борода, усы, волосы на голове седые, с желтизной, больше не курчавятся... Отросли ужасно. Ухитрился подстричься, помогала Весела, очень

радовалась. И опять смотрелся в ведро. Старик, совершенный старик!.. Смотреть с правой стороны – уродец! Кожа лба собрана складками, бровь превратилась в два пучка волос, под ними провал, нос расплылся... А вот если смотреть с левой стороны – ничего! Лоб, глаз, даже еще искра сохранилась, губы... А нос стал немного покляпый, но его, Юрия Васильевича, можно узнать, и шрам не мешает. Постарел лет на двадцать, а может, и побольше!

Раз остался жив, значит, нужно жить. А на что способен? Как зарабатывать хлеб?

Богу молиться? Придется врать, кто он и что с ним случилось, без сомнения, придется!.. Но все же в монастырь он не пойдет! Туда путь заказан. Остается жить Христовым именем. Скитаться по святым местам, сидеть на паперти и вымаливать копеечку... Наверное, пожалеют его, особенно если поворачиваться правой стороной, и что-то подадут. Привыкнет людям смотреть в глаза и тянуть Лазаря... Пожалуй, нет! Такую жизнь он долго не выдержит... Что, гордость? Князь-нищий?! Нет, что-то еще мешает. Может, когда-нибудь и придется протягивать руку, но не всю жизнь!

Еще один путь – остаться здесь или уйти еще дальше, в еще пущую глушь. Огородить заимку, сеять хлеб, собирать травы, мед. Жить в уединении, уйти от мира. Силы у него хватит. В глухие зимние ночи молиться Богу... Полное одиночество... А Весела? Подрастет – отправить к людям. Но ее будут считать дурочкой, какую жизнь она станет владеть среди чужих? Нет, он не вправе бросить свою спасительницу на произвол судьбы! Да и не выйдет из него Симеон Столпник или Федосей Пешерник! Он любит жизнь, любит людей, и вот жизнью он постарается, обязан искупить свои грехи перед людьми!

А Веселу он не бросит. Она – дочь, Богом данная. Вторая!.. Как живет первая, он не знает, но будет знать!.. Через три-четыре года Весела может жить самостоятельно, и он должен подготовить ее к этой жизни.

И еще об одиночестве. Молитвой и постом замолит ли он свои грехи? За ним шли люди, верили в него и умирали... Сколько человек погибли из-за него? По его вине! Многие сотни! А он хочет в одиночестве вымолить себе место в раю! Нет! Он обязан идти к людям. Потребуется, страдать вместе с ними. И спасать их... Как? Словом, молитвой... Этого мало! Делом!

Зима... Долгие вечера... Молитвы... И твердое решение: он идет к людям, туда, где его не знают. Станет помогать нуждающимся, станет лечить больных, многие травы ему известны от Сургуна. Если этих знаний мало, пойдет в услужение к лекарю... Может он помогать нуждающимся. Он знает, где зарыты сокровища Кудеяра... Вправе ли он нарушить клятву и взять часть этих сокровищ?! Не для себя, себе он ничего не брал, и сейчас ему ничего не нужно, проживет и Христовым именем. Нужно для других, хотя бы для Веселы. Да мало ли около него будет людей, которым несколько монет уменьшат лихо!

Все это потом, а пока зима...

Юрша проснулся. В заледенелом окошке предутренняя серость. Начал обуваться. Коза подала голос и ткнулась в руку холодным носом – проголодалась.

В плетневых сенцах за ночь надуло сугробы, хотя к утру ветер стих. Отворил дверь, в сенцы рухнула глыба рыхлого снега. Принялся расчищать дорогу к стогу. Вернулся в избу с кошелкой сена, коза встретила его веселым блеянием.

В очаге уже разгорался огонь. Весела заплетала косу:

– Дяденька, гляди, так ли.

Юрша со знанием дела осматривает и слегка поправляет обещающую быть толстой серо-золотистую косу. Это он научил ее каждое утро убирать волосы, а сперва сам постигал это искусство на пучке пакли, да еще с больной рукой.

– Ленточки не хватает.

– Ленточки? – Весела недоумевает. – Бабочки, да?

– Вроде. Придем к людям, будет у тебя алая ленточка... Чем кормить будешь?

– Вот кашу разогреваю.

– А отвар хвои где?

– Горький он.

– Горький, но полезный. Так не можешь, пей с медом. Без отвара заболят зубы. Лепешек нет? Помнить о лепешках – твое дело, Василиса. Поедим, бери ручной постав и готовь муку. Не забыла, как я тебя учил?.. Ну вот и ладно. А я пойду по дрова.

Собственно, дров заготовлено было много, но Юрша добивался от Веселы большей самостоятельности и поэтому часто уходил. За завтраком она, улыбаясь своим мыслям, вдруг спросила:

– Почему зовешь меня Василисой, а не Веселой, как все звали?

– Есть такая священная книга – святцы. Там написано, в какой день какого святого или какого ангела помянуть надо. По имени этих святых называют людей, когда крестят. У твоего отца было записано, что тебя крестили Василисой и твои именины десятого марта. Мы будем праздновать этот день.

– А как тебя звать?

– Климентом. Я тебе уже говорил. Зови меня не просто дяденькой, а называй дядя Клим.

– Дядя Клим, дядя Клим. А когда праздновать будем твои... как это?.. Именины?

– Мои именины, день моего ангела, будем праздновать двадцать второго апреля, ныне – на восьмой день после Пасхи.

Юрша, собираясь идти к людям, старательно продумывал, что он станет говорить им о своей прошлой жизни. Потребуется врать, говорить явную ложь, похожую на правду, да простит Всевышний! Это святая ложь! Назвался Климентом, Климом потому, что день апостола Климента приходится на день его рождения.

– Дяденька... Нет. Дядя Клим, – улыбнулась ему Весела, – ты все знаешь?

– Всего никто не знает, Василисушка. Когда не знаешь – легче жить, а узнаешь, другой раз места себе не находишь! Вот так-то.

– Василисушка! Это из сказки?

– Из сказки и из жизни... Вот намелешь муки, напечешь лепешек, и станешь ты Василисой Премудрой... Ну, поели, Богу помолились, теперь за работу.

Ближе к вечеру Юрша зажигал лучину и начиналась учеба. Он на дощечке, покрытой воском, учился писать левой рукой. Рядом Весела со своей дощечкой. Юрша объясняет чтение:

– Добро есть – де, добро аз – да. Вместе – де-да.

Она смотрит на него широко открытыми голубыми глазами, повторяет, пытается писать. Но ее внимания хватает на несколько минут. Вдруг она прерывается, вскакивает и бежит поправлять лучину или подбросить сушняка в огонь.

Юрша удерживает ее от порывов, но скоро замечает тоску в ее глазах. Он сажает ее рядом с собой, кладет на голову руку и начинает рассказывать. Сегодня – из Библии о чудотворце Елисее, который жестоко наказал детей, насмехавшихся над взрослым человеком. А в другой раз воскресил теплом своего тела сына благочестивой женщины...

– ...Вот и ты теплом своего тела отогрела и вернула меня к жизни...

И так изо дня в день Юрша упорно приучал Веселу к усидчивости, к труду. На библейских примерах учил жизни, иногда по несколько раз повторяя непонятные наставления. И от всей души радовался, когда видел, что труд не пропадает даром.

3

Юрша еще с зимы начал собираться в поход к людям. Прежде всего его беспокоила обувь. Идти нужно в лаптях, а плести их не умеет. Пришлось чинить старые. Следующая забота – одежда. Из имевшихся рубашек и сарафанчиков Весела выросла. Пришлось ушивать одежды ее матери. Юрша носил рубище, его рубашка и кафтан были безнадежно порваны, идти в таком

не годилось. У родителей Веселы и у Сургуна на пасеке были старые вещи, но Юрше они не впору, он в плечах пошире. Пришлось не только чинить, но и перешивать, а с одной рукой всякая работа во много раз труднее.

Но вот пришла весна: теплое солнце и теплый ветер с полдня. Снег набух водой, побежали ручьи. Озеро потемнело и разлилось до самой избы. Лес наполнился гомоном птиц, на проталинах зажглись голубые и желтые огоньки первых цветов.

Юрша ждал, когда из оврагов уйдет вода и реки войдут в берега. Он не собирался возвращаться сюда, но мог прийти Сургун, и для него, как только земля оттаяла, они с Веселой вскопали небольшой участок земли и посеяли овес – все-таки подспорье. Ну, а если никто не появится, пусть радуются птички да зверушки лесные.

Двадцать второе апреля – именины Юрши пришились на понедельник. Отметили этот день праздничным обедом, ели уху и пшеничную кашу с медом. После обеда отдыхали. Весела, как всегда в свободное время, начала расспрашивать. Юрша замечал, что с каждым днем ее вопросы становились все более и более осмысленными.

– Дядя Клим, как узнаешь, когда какой праздник? Ведь все дни одинаковые.

– А ты разве не видишь, как я каждый день отмечаю на бересте. Таких берестинок у меня уже десять. Десятый месяц пошел, как конь привез меня к твоей землянке.

Весела засомневалась:

– Нет. Тогда ты только стонал. Ничего не писал.

– Верно, пропустил целый месяц. Потом подсчитал все дни, по луне проверил... Много-много лет назад, восемь веков тому, жил мудрый человек именем Иоанн Дамаскин. Он нам оставил свою руку – научил по руке определять месячные круги луны, годовые круги солнца. Теперь по руке Дамаскина определяют дни Пасхи. А святцы меня заставили выучить. Ну, отдыхай, да начнем собираться в дорогу.

А через два дня они тронулись в путь. Юрша и Весела с заплечными мешками и посохами, коза на веревочке. Первое время она резвилась, потом опять начала ложиться. Однако теперь день был длиннее, чем осенью, и они, несмотря на частые остановки, добрались до землянки Веселы на второй день еще засветло.

Тут они обнаружили, что какой-то лихой человек обобрал землянку и унес все, что можно было унести, забрал последние тряпки, доски с полатей и всю нехитрую утварь.

Юрша полагал оставить Веселу тут, в землянке, а самому сходить в Тихий Кут. Теперь опасно было оставлять ее одну, неизвестно, что за люди обобрали землянку. Может, они поблизости бродят. Да и Весела не была такой смелой, как раньше. Ее мир теперь населяли не только хорошие люди, но и плохие, страшные чудовища из сказок, злые звери. Переночевав, они двинулись дальше.

Перед Тихим Кутом Юрша удвоил осторожность, прислушивался, присматривался, но ничто не нарушало жизни леса, – поблизости людей не было. Ночевали в лесу, примерно на том самом месте, где они допрашивали взятого в полон воина Авдея. Затемно Юрша сходил в разведку. Убедился, что в поселке и вообще в междуречье Воронежей людей нет. Чтобы надежнее присмотреться к округе, Юрша поселился в полуразвалившейся землянке. А на следующее утро, оставив спящую Веселу, он пошел к могиле Гурьяна, прихватив с собой заступ.

Могила заросла травой, потемневший крест покосился. Вокруг поднялся буйный кустарник, это было на руку Юрше – со стороны никто не увидит, как станет тут копать. Сотворив молитву, принялся за работу. Последнее время он научился правой негнушейся рукой помогать работающей левой. Добраться до кубышки, зарытой около могилы Гурьяна в песчаном грунте, было делом нескольких минут. В промасленной ветошке отдельно лежали украшения с дорогими камнями. Из них он взял пригоршню. Из свертка с золотыми и серебряными монетами отсыпал половину в сшитый из овчины широкий пояс со множеством карманов. И вот тут у него дрогнула рука, после непродолжительного колебания, высыпал и вторую половину.

Раньше он равнодушно смотрел на золото, и вдруг откуда такая жадность! Горестно усмехнувшись, уложил в кубышку сверток с украшениями и зарыл ее. Теперь предстояло самое трудное – не оставить следов работы. Юрша снятый дерн и вынутую землю выкладывал на расстеленный армяк, теперь аккуратно все укладывал на старые места. Армяк вытряхнул в стороне. После этого занялся могилой: выпрямил крест, накопал рядом земли, поправил холмик и покрыл его дерном. Теперь работал безо всяких предосторожностей – каждый вправе отдать должное покойнику.

На обратном пути к Веселе, оставленной в землянке, Юрша зашел на памятный ему выгон. Скота нет, трава не потоптана. Загон разгорожен, видать, казаки перетасили к себе еще годные плетни. На краю выгона, на самом берегу, стояли четыре креста. Сняв колпак, Юрша подошел к захоронению. Сквозь молодую траву явственно вырисовывались около каждого креста обширные могилы...

Его горестные размышления неожиданно прервались. По берегу шел человек. Еще оставалось время, чтобы скрыться в кустах, но Юрша остался неподвижным – к нему приближался малый лет четырнадцати. Около могил он тоже снял колпак, удивленно разглядывая Юршу. Тот спросил его:

– Как звать тебя, парень?

– Первун.

– Кто тут похоронен, знаешь?

– Ага. Вон там Кудеяр со товарищи. Это – ватажники, а это – их бабы с ребятишками.

Там – царевы вои.

– Ватажники тут жили?

– Ага.

– Их всех перебили?

– Не. Они в лес подались.

– А ты чей будешь?

– Бортника Кузьмы. Вон там пасека. А ты чей?

– Путник, с девкой в Липецк идем. Тут в развалюхе ночевали. А ты в Стаево?

– Ага. Батя за хлебом послал.

– Ну прощай, Первун.

Юрше казалось опасным с кем-нибудь встречаться в этих местах, поэтому нужно было уходить отсюда как можно быстрее. Он заспешил к землянке. Почувствовал недоброе, когда около землянки не увидел козы, а ведь оставил ее привязанной на лужайке. В землянке Веселы не оказалось. Оба заплечных мешка стояли, тут же лежал ее кафтанчик. Обошел вокруг, прислушался – в порывах легкого ветра шуршит листва...

Вернулся и присел на обрубок дерева. Очень возможно, что ничего страшного: убежала коза, Весела пошла ее искать и сейчас вернется... Время идет, а ее нет... А вдруг она попадет к казакам или встретит бортника Кузьму? Назовет себя, ее вспомнят. От нее допытаются, кто ее спутник. Хорошо, если она забыла, что у него были связаны ноги, когда его привез конь. Тогда могут подумать, что он ватажник. А если вспомнит!! Нет! Здесь она не должна встречаться ни с кем! Он ее учил не бояться людей, а лучше бы она боялась!

А вдруг заблудилась и зовет его... Опять обошел округу... Может, сейчас придут с ней казаки!.. Юрша поспешно отнес мешки и спрятал их в густом ельнике. Наломанный лапник для постели сгреб, свалил в угол и присыпал землей. Убрал все следы ночевки. Если приведет казаков, они посмотрят, сочтут ее безумной и потеряют к ней интерес.

Отошел от землянки, спрятался и стал наблюдать... Чу! Кто-то бежит... Весела!.. Одна ли? Вся в слезах... Заглянула в землянку, всхлипнула и побежала дальше... За ней, кажется, никого нет. Тихо окликнул, вышел... Как она ему обрадовалась! Обняла, сквозь рыдания что-то говорит, а разобрать невозможно...

Где-то, где-то Юрша понял, что коза убежала на пасеку, а там козел, они играют. Любимая коза не послушалась своей хозяйки и не пошла к ней, зато незнакомый козел чуть не забодал ее. Тут около козла появился чужой дядя, Весела испугалась и убежала. Теперь испугался и Юрша:

- Дядя видел тебя?
- Да. Шумел: «Дева, дева, вернись!»
- Пойдем, скорее пойдем!
- А козочка?
- Нагонит, она догонит нас. Идем, идем скорее!

Они надели сумки и почти бегом ушли в лес. Весела постоянно оглядывалась, ожидая появления козы.

Юрша уходил вверх по Лесному Воронежу. Верстах в десяти от Стаево они переправились через реку и пошли лесными тропами на запад. Потом вышли уже на Большой Воронеж.

Юрша нарочно сказал Первуну, что идут на Липецк. С самого начала пути он решил прежде всего прийти в Лебедянь, а оттуда держать путь на Москву.

Как только они перебрались на другой берег Лесного Воронежа, Весела догадалась, что коза не вернется, и принялась тихо плакать. Юрша сделал привал и долго убеждал Веселу, что коза нашла своего братика, что им будет веселее вдвоем. Они станут радоваться и благодарить Василису, что она не разлучила их.

Теперь ничто не задерживало путников. Без козы они стали двигаться гораздо быстрее и уже на третий день вышли к хорошо знакомым Юрше стенам Лебедяни.

4

В Москве Юршу с Веселой приютил купец Исай Колотилин, имевший свой двор в Охотном ряду. Он выделил им комнатку и сказал, что они могут поселиться тут хоть навсегда, и хлеба-соли на них в его доме хватит. Такая щедрость показала, что Исай добро помнит... А мог бы и забыть...

...В Лебедяни остановился караван стругов, которые тянули с низовья Дона. Московские и тульские гости возвращались домой. Не успели струги причалить, как юркие приказчики сбежали на берег и вместе с коногонами принялись разводить костры и готовить ужин. Сошли и купцы погулять, поразмяться.

Из городка на берег начали стекаться лебедянцы, одни в надежде купить или продать что-нибудь, другие за новостями, не идут ли татары.

Спустились и Юрша с Веселой. Здесь, в Лебедяни, они приоделись слегка. На нем был кафтан, хотя и ношенный, но по его широким плечам; лапти и онучи у обоих новые. Особая радость у Веселы – купил ей дядя Клим алую ленточку. Хоть и нейдет нищенке лента в косе, все ж пришлось оставить – не так много радости у девочки.

Спустились на берег и остановились в сторонке, смотрят на людскую толчею. Другие нищие туда рванулись. И ему бы тоже нужно к лодкам пойти, может, кто возьмет их хотя бы до Тулы, но народу тьма, разве туда проберешься...

Из задумчивости вывел голос Веселы:

- Спаси Бог тебя, дедушка.

Оглянулся. Перед Веселой стоял человек среднего роста, борода с проседью. Видать, купец не малого достатка, протягивает ей денежку. Юрша поспешно сорвал с головы колпак и низко поклонился:

– Благодарствую тебе, добрый человек, что мимо не прошел, заметил нас, сырых странников.

- Далеко путь держите?

– В стольный град, в Москву, добрый человек. Вот сиротка, спасительница моя, без отца-матери осталась. А в Москве будто у нее в Китай-городе тетка живет.

– Сестра матушки, тетя Агаша, – улыбнулась Весела.

– Ежели других примет нет, трудненько будет найти вашу тетку. Москва – большой город.

– Понимаем, но другого-то никого нет. Ты, добрый человек, не окажешь ли нам божескую милость, не захватишь ли нас хоть до Тулы. Я изо всех сил помогать твоим приказчикам стану...

– Какой ты помощник – издали видно.

– Добрый человек, возьми нас! Кое-какие денежки мы накопили, заплатим. А хлебушек с собой несем. Опять же я лекарь, читать-писать умею.

– Вон оно что! – Купец усмехнулся. – И все ж, чтоб брать, надо знать, кто ты такой. Пойдем к костру, поведеашь.

Так произошло знакомство с Исаем Колотилиным. У костра Юрша рассказал придуманную историю Клим Акимов.

Клим родился и жил на Белом озере. Отец его Аким служкой был в Усть-Шехонском монастыре, охранял обозы монастырские. Своего сына он учил воинскому мастерству, а монахи – грамоте. Когда Клим подрос, нарядили его воином и переходил он из одной дружины в другую. Бился с татарами под Тулой в пятьдесят втором году, брал Казань-город. Потом дважды в передовом полку выходил крымцам навстречу. И вот прошлый год их ертаул наткнулся на татарский отряд под Липецком, был разбит, а его, Клим, и несколько других воинов полонили. Воспользовавшись оплошностью охранника, они попытались бежать. Их нагнали и порубили. Ему сильно ранили руку, ногу и лицо. Конь вынес его, он оказался в лесной землянке. Девочка Василиса выходила его, родители девочки, вероятно, тоже попали в полон. Через год Клим с девочкой покинули землянку и пришли в Лебедянь.

5

Клим хорошо подготовил свою повесть. Он называл истинные имена игуменов и старцев, бояр и князей, в дружинах которых будто бы служил. Так что он мог бы поделиться воспоминаниями с соратником и не боялся, если бы кому-нибудь вздумалось проверить его рассказ.

Исай выслушал внимательно и спросил:

– А сколько же ты денег накопил на дорогу?

Клим достал и подал ему несколько мелких серебряных монет. Исай сосчитал их и хмыкнул:

– Небогато дедина и отчина одарила тебя! На, спрячь. Считаю, что эти денежки подарил я твоей сиротке. Садитесь, будем есть кашу. Теперь вы в нашей артели.

Клим никого не расспрашивал, но вскоре из разговоров узнал, что из Москвы в низовье Дона под охраной стрельцов отправили огненное зелье и другие воинские припасы стоявшим там отрядам Вишневецкого. С ними пошел караван стругов Колотилина, на Иван-озере присоединились тульские купцы. Теперь возвращались снизу тоже не пустыми, Исай, например, вез огромные тюки кожевенного сырья.

По Дону поднимались спокойно. Бечевники проторенные, струги шли и вверх и вниз: все считали – раз прошли здесь стрельцы, разбойники разбежались. Ночевали в обжитых местах, вблизи деревень. Вечерами около костра Клим рассказывал разные истории. Особенно внимательно слушали о Казанском походе. Иной раз Исай отпускал Клим к другим кострам, чтобы и туляки послушали складные повести.

Одна из ночевок пришлась на Куликовом поле, около устья реки Непрядвы. Клим принялся рассказывать о великом подвиге русского народа тут, на Куликовом поле, сто семьдесят лет назад. Рассказывал, указывал здоровой рукой, где стояли полки великого князя Дмит-

рия и где полчища Мамая. О смертной битве богатырей монаха Пересвета и татарина Челубея. Этот рассказ пришлось повторить у костра туляков. И вот тут он увидел коренастого купца, которого все называли Романом. Присмотревшись к нему, он узнал того самого купца, который помог им поймать самозванца Ростислава Мосальского.

На следующий вечер Клим сам пошел к тулякам и начал пересказывать свою повесть о Тульском сидении. Тут он нашел активных слушателей, многие из которых сами были участниками этих событий. Они уточняли рассказ, называли фамилии и прозвища героев. Роман подошел к нему, со слезами на глазах обнял Клима и сказал, что Ермилка, один из спасителей Тулы, – его сын. Теперь Ермилка – его помощник, купец.

Клим два вечера рассказывал им о Тульском сражении, туляки внимательно слушали его, сажали на почетное место, потчевали, как самого почетного гостя.

После Куликова поля позади слева и справа остались многоводные притоки, Дон заметно сузился и обмелел. Дальше по болотистым берегам Иван-озера струги тащили волоком. Караван последний раз ночевал вместе. Теперь туляки по Шат-реке уйдут на запад, к Туле. В этот вечер Клим окончил свой рассказ о Тульском сидении. Купец Роман еще раз обнял его, потом взял колпак Клима и отсыпал из тугой мешины две пригоршни серебряных монет. За ним и другие купцы потянулись с деньгами, не отставали и приказчики.

Клим решительно остановил их:

– Дорогие друзья, братцы! Вы – люди торговые, вам без денег нельзя. А мне зачем они? Новый кафтан купить? Ни к чему он мне. Породнился я с сумой, братцы, и в новом кафтане мне не пристало ходить с сумой. А без сумы с моим видом тоже негоже, каждый подать желает, спасти свою душу хочет. А вот если кто из вас свечу поставит в церкви, да вспомнит меня добрым словом, вот это будет большой подарок мне. Много на мне грехов тяжких, молитесь за меня! И тебя, Роман, прошу взять свои деньги. Вот этот золотой возьму на память о встрече, а остальные забирай. При случае сделай какое ни на есть доброе дело в память обо мне.

Еще целый день тянули струги Исаю по болотистым берегам Иван-озера, затем вошли в какую-то речушку и стали. Вскоре приказчики пригнали подводы, лошадей и мужиков. Кожи перегрузили на подводы, а струги потащили посуху на больших санях до реки Веневки. Потом тянули суда по реке Осетр. Клим хорошо запомнил эти места. Волок и реки шли по Тульско-Рязанской Большой засеке. По берегам попадались крепостцы и отдельные ряжи, около них разъезжали сторожевые отряды. На берегу виднелись срубленные огромные дубы и сосны, которыми при надобности можно было преградить путь по реке.

Две ночи провели под стенами древнего Зарайска. Клим не преминул поведать о славном городе. Великий князь московский Василий считал Зарайск своим уделом и накануне своей смерти приказал укрепить город каменным кремлем. А через десять лет, в тысяча пятьсот сорок первом году, вновь поставленный кремль выдержал яростную осаду крымских татар.

А ночью, глядя в бесконечное темное небо, усыпанное яркими звездами, Клим не без горечи подумал: «Вот еще одна моя отчина! Я лежу на жестком ложе под ее стенами. И только что прославлял великого князя Василия Третьего, именуемого Грозным, не как его сын или потомок, а как Боян или, правильнее, как гусяр без гуслей!» И тут же усмехнулся еще больше: «Ну и гордыня! Кажется, впрямь начинаю считать себя великокняжеским сыном!»

Исай постоянно присматривался к своему новому спутнику. Его повести нравились ему, но окончательно он познал его после Зарайска. Здесь Осетр петлял по непроходимым лесам, часто широко разливался по песчаным перекатам, и струги приходилось тянуть лошадьми, цепляя постромки за борта. Глубина тут была по колено.

На одном из таких перекатов вдруг из леса с обоих берегов выскочило человек двадцать и, разбрызгивая воду, молча побежали к лодкам. Это были страшные люди, оборванные, заросшие нечесаными волосами, в руках у кого сабля, у кого пика, за поясом ножи. Орава без еди-

ного звука подкатилась к лодкам. Со знанием дела принялась потрошить лодки, понравившиеся вещи вязали в узлы. Тут же отпрягали лошадей и выючили наворованное.

Клим с Веселой брели позади лодок. Увидев разбойников, остановились. Его больше всего поразило поведение приказчиков: завидя лихих людей, они сразу отошли от лодок, коногоны – от лошадей. Без намека на сопротивление давали себя обыскивать, у них выворачивали карманы, рвали с поясов кошельки.

Исай тоже остановился, Клим подошел ближе к нему, он еще не принял решения, как себя вести, но на всякий случай свой увесистый посох взял поудобнее.

К Исаю направился красномордый разбойник, надо полагать атаман. Рядом с ним еще двое, все трое при саблях. Красномордый спросил купца:

– Твои струги?

Исай закивал головой.

– Давай!

Тот покорно отстегнул и подал небольшую кису. Красномордый заглянул в нее:

– Золото где?

– Нету золота. Товар купил.

– Врешь! Есть!.. Отдавай. Говори где? Не то придушу!

– Богом клянусь, нету, господин атаман.

– Брешешь! А ну-ка!

Разбойники принялись избивать Исаю, с двух сторон. Перестав бить, придерживали, чтобы не упал. Атаман кивнул:

– Ну, вспомнил?

– О, господи! Клянусь, все отдал.

– Давай!

Удары снова посыпались на Исаю, он как мешок переваливался от одного разбойника к другому. Атаман обратился к Климу:

– А ты, чучело, чего вылупился? Давай девку и пошел отсель!

Атаман схватил Веселу за руку и рывком оторвал ее от Клим.

– Атаман! Побойся Бога! Ребенок же!

Атаман заржал:

– Во! Ребеночка дюже лепо! Гы-ы! – Он потащил ее к берегу.

Клим ударил атамана посохом. Тот зверем рывкнул и, выхватив саблю, бросился на Клим. Клим увернулся и изо всех сил стукнул посохом по руке атамана, потом еще и еще раз. Атаман, выронив саблю, отступил. Сабля оказалась у Клим.

Бросив избивать купца, два разбойника, выхватив сабли, накинулись на Клим. Он хоть и давно не держал саблю, но его левая рука не ослабела. За несколько секунд один из нападавших упал в воду, второй пополз на четвереньках, около них вода окрасилась кровью.

Все произошло настолько быстро, что атаман не успел сообразить. А когда повернулся, чтобы бежать, Клим ударил и его. Атаман рывкнул, пробежал немного и повалился в воду.

Теперь на Клим устремились пятеро. Остальные, бросив выючить лошадей, ждали исхода битвы.

Клим подбежал к одной из лодок так, что она оказалась между ним и нападающими. Дальше он сам перешел в наступление, рванувшись навстречу разбойникам, сшибая каждого поодиночке. За долю минуты у двоих перерубил пики, и они отступили, двое барахтались в воде, а пятый убежал в фонтанах брызг с криком:

– Ратуйте! Это дьявол с рогами!

Оживились приказчики и коногоны. Они схватили с лодок весла, багры и, подбадривая себя криками, принялись за разбойников, которые улепетывали со всех ног.

Исай, поднявшись из воды, шумнул:

– Назад! К лодкам, ребята!

Клим, не выпуская из руки саблю, прижал к себе Веселу, успокаивая ее.

Приказчики поспешно вернулись, покидали в лодки навязанные разбойниками узлы и впрягли лошадей. Исай торопил их, зачерпывая пригоршнями воду, обмывал окровавленное лицо.

Раненые разбойники, окунувшись в воду, ожили и отползали к берегу. Трех уносило течением. Атаман, оставленный товарищами, сидел в струях воды, схватившись за голову.

Клим, немного успокоив Веселу и посадив ее в лодку, направился к атаману:

– Давай посмотрю, как тебе досталось... Ничего, здоровая у тебя голова, до свадьбы заживет...

Атаман дернулся:

– Князь?! Жив!

Клим узнал рановского атамана, но спокойно ответил:

– Обознался! Давай посмотрю... Легко, атаман, отделался. Подними руку, оторву рукав, перевяжу голову.

– Не надо, без тебя заживет. Помогли встать... Пойду.

– Прежде верни кису купца. Вот так. И все-таки запомни: еще попадешься – не помилую. Уходи куда подальше.

Атаман, покачиваясь, пошел к берегу.

Клим, вернувшись к лодкам, отдав кису Исаю, сказал:

– Тебя перевязать нужно, щека здорово разбита.

– Потом. Вот выйдем на чистую воду. Ступай в первый струг, там Ваську посекали.

Спокойнее стало, когда поздним вечером вышли к Оке. Тут народу побольше, горят костры, разбойников и в помине нету. Здесь и заночевали.

На следующее утро струги вышли на окский стрежень и кучно уходили к Коломне. Погода начала портиться, небо затянуло серыми облаками, по воде побежали белые барашки. Ветер пока был попутный, однако приказчики разобрали весла, готовые на случай бури в любой момент выгребать к берегу.

Исай полулежал в лодке, разбитое лицо перевязано шириной, Клим сидел рядом на тюке кожи, в грустном раздумье смотрел на лесистые берега. «Опять убийства!.. Рука поднялась на русского человека!.. А разбойник узнал!.. Беречься надобно...»

Успокоилась и Весела, тихо посмеиваясь, она перебирала разноцветные камешки и ракушки. Тишина нарушалась только плеском воды да скрипом уключины рулевого весла. Купец вдруг негромко произнес:

– Выходит, я в долгу у тебя, Клим Акимович. Ты серебро вернул мне, руки лихих людей отвел. Проси, ни в чем отказу не будет.

– Мне ничего не надо, Исай Никитич. Я тебя благодарить обязан: в Москву везешь нас с Василисой.

– Даа!.. Ну-ка, сядь поближе, скажу кое-что... Я вот с самого начала присматриваюсь к тебе. Станный ты человек. Гадал я: то ли юродивый, то ли святой, прости, Господи, меня. Сказки рассказываешь дюже складно. Опять же лекаришь. А там, на Иван-озере, от денег отказался. Подумалось: не тот ты, за кого себя выдаешь... А вот атаман открыл мне глаза... Наклонись-ка... Слышал я – князем тебя назвал. Понял – из опальных ты.

Клим отстранился от него:

– Не дело говоришь! Атаман пьяным был, да и ударил я его здорово.

– Верно, верно... – сразу изменил тон купец. – Видать, послышалось мне. А бился ты славно, хотя и левой рукой, а как витязь богатырский. Трех уложил да человек пять покалечил.

– Сознаюсь тебе, Исай Никитыч, – со вздохом ответил Клим, – это убийство – мой тяжкий грех. Клятву я дал – не брать в руку меч.

– Какой же тут грех?! Девчонку спас, меня выручил. Да опять же пропащие это человеки, людьми и Богом проклятые.

– В спасении невелика моя заслуга. Если бы не твои ребята, плохо бы мне пришлось. Только вот почему они сначала отарой овец сбились? Число их, как и разбойников. Сперва казалось – надежные парни.

– Очень надежные. С ними готов в огонь и в воду. А сбились потому, что запретил я им обороняться. Расчет простой. Разбойники они тоже понимают: без нашего брата им грабить некого будет. Потому они всех подряд не убивают, оберут и пустят. Ну, меня поколотили, да тоже отпустили б. Вот пытать бы начали, пришлось отдать часть золотишка.

– Значит, золото было?! И ты терпел?

– Какой же дурак с собой все деньги носит! А терпеть... Ежели терпения не наберешься, купцом не будешь... Вот ребят начали б пытать, пришлось либо бой принимать, либо все отдать. Вот так-то.

Речная дорога дальняя, две седмицы тянули струги до Москвы. О разном говорили потом, но Исай больше не возвращался к вопросу о происхождении Клим, а у Клим последний разговор не выходил из головы. Он начал даже подумывать, не уйти ли как-нибудь потихоньку со струга.

Видать, Исай почувствовал настроение Клим. Недалеко от Москвы, на последней стоянке, он отозвал его в сторону и сказал:

– Ты прости меня, тогда сболтнул я несуразное. – Клим попытался возразить, но купец остановил его. – погоди. Ты меня не бойся и не сторонись. Однако в Москве люди разные бывают. Будешь ты со многими встречаться и свои ладные сказки сказывать. Так вот что скажу тебе по-дружески: лепо славословишь ты святого Дмитрия Донского, великого князя Василия Грозного да всякого другого люда малого и большого. А вот о государе нашем Иоанне Васильевиче не нашлось у тебя хвалебных слов. Так что поищи их пользы ради.

Клим обнял купца:

– Благодарствую тебе, Исай Никитыч, за твои добрые советы. Воистину говорится: язык мой – враг мой! Спаси Бог тебя.

6

Клим, собираясь искать Василисину тетку, посоветовался с Исаем, как одеть Василису, чтобы не считали ее нищенкой. Исай поручил эту заботу своей дочке-невесте, а ему сказал:

– Не верю я, что найдешь эту... Как ее? Тетку Агашу. А тащить девку на Белоозеро не с руки тебе. Оставь ее у меня заместо дочери. Моя-то невеста в мясоед упорхнет. Один я со старухой останусь. Не бойся, не бойся, я заметил веселость ее. Бог даст, повзрослеет, поумнеет. А так, видать, она работающая.

Клим поблагодарил купца, но все же на поиски пошел. Искал он, разумеется, не выдуманную тетку Агашу, а названую мать свою Агафью и вдовушку стрелецкую Акулину. И вот тут началось невезение. В Стрелецкой слободе Акимова дома не было, Клим знал – сожгли его. На этом месте стояла пятистенка. Кусок хлеба подали ему незнакомые люди.

Подошел к дому вдовушки. Дом стоит, ворота на запоре. Выбрал местечко на лугу, чтобы ворота было видно. Принес водички, достал хлебушка и принялся полудневать. Часа через два из ворот вышла незнакомая старушка, потом парень. К вечеру пришел дядя – косая сажень в плечах. Подумал: вдовушка мужиком обзавелась. К вечеру все собрались. Спрашивать никого не стал, и так ясно – Акулина и Агафья тут не живут.

Другой день толкался на Пожаре – на Красной площади, приглядывался к бабам-лоточницам, что торговали пирогами да кренделями. Среди них Акулину не увидел. Следующий день тоже оказался неудачным. Клим все чаще и чаще охватывало сомнение – может, напрасно ищет? Может, их нет в живых... А вдруг Неждан невзначай навел соглядатаев?

Перед вечером решил спросить лоточницу, лицом похожую на масляный блин подрумяненный.

– Акулина-то?! – удивилась лоточница. – Так она тут всегда. Разбогатела, ларек завела. Последний вон в том ряду.

– Да смотрел я и ларьки...

– Так вчера она на мельницу ездила, а сейчас небось свежие калачи печет. Но девка там всегда сидит, такая чернявенькая. Племянница ее, Агашкой звать. Уж такая умница...

Клим, не дослушав, поблагодарил и чуть не бегом пустился к ларьку. Верно, небольшой ларек, небесной краской выкрашенный. В окошке девушка лет пятнадцати, чернобровая, черноглазая. Зеленым платком повязана, а из-под платка коса до пояса, вороньего крыла черней. Отсчитывает она мужику крендели и весело разговаривает. Клим от нее глаз отвести не может, затуманился взор от набежавшей слезы. А она заметила его, приветливо зовет:

– Иди ближе, дедушка, держи кренделечек.

Дрожащей рукой принял крендель.

– Спаси Бог тебя, красавица.

– Какая же я красавица? – весело ответила Агаша, улыбкой засветилась. – Черномазкой дразнят.

– Потому и дразнят, что красоте твоей завидуют! А тетка не будет ругать, что кренделя не хватит?

– Что ты! Ешь на здоровье, она у меня добрая.

Клим заставил себя отойти в сторонку. Ушел на берег реки и стал следить за ларьком. Вскоре начали лари запирать. Заперла и Агаша свой. Захватила большую корзину. Тут подошел к ней какой-то старичок с такой же корзиной, и они пошли вверх по Неглинной. Клим шел далеко позади, стараясь не терять из виду зеленый платочек. Шел и ревновал: дед небось к Акулине присватался!

И смех и грех – легче стало, когда Агаша юркнула в ворота, а дед прошел дальше.

Заметил Клим дом вдовицы. Ворота и забор добрые. Дом не маленький, крыша щепой крыта. За забором корова мычит. Слава богу, не бедно живет!

На следующий день ранним утром наблюдательный пост снова занял. Видел, как Акулина с Агашей корзину, покрытую белой тряпицей, унесли. Потом Агафья за водой ходила. Сдала, горемычная. От бадейки перегнулась, через пять шагов руки меняет.

Подождал немного, осмотрелся и решил войти на двор. Тут увидел: Акулина возвращается. Подошла она к воротам, и он подошел:

– Дозволь, хозяйюшка, во двор войти, водички испить да отдохнуть малость.

– Проходи, сделай милость... Чего ж тут остановился? Пошли в избу. Молоком угощу. Из каких краев будешь?

– Издалека, хозяйюшка. В полоне был. Теперь домой в Белоозеро пробираюсь.

Вошли в избу. Пол свежeweымытый, на окнах занавесочки. Перед киотом лампада. Таким уютom на него повеяло! Пришлось долго креститься, чтобы овладеть собой, не расплакаться. От печи из закутка Агафья выглянула. Акулина сказала ей:

– Мамаша, угости молоком странника. Снимай суму, дедушка, садись.

Перед ним поставили на стол крынку молока, ковшик и краюху хлеба. Ест он хлеб, молоком запивает, а все равно еда в горле застревает. Бабы стоят, на него во все глаза глядят. Агафья вдруг вскрикнула:

– Батюшки! Господи! Неужели?.. – закрестилась, рукой рот закрыла. Акулина только ахнула.

Взглянул на них Клим, стоят, руки к лицу поднесли, слезы потоком льются. Он перестал есть, нагнулся к столу и тоже не удержался, заплакал...

Не было бы дел по хозяйству, до вечера проговорили б. Но свиней кормить, корову доить, да и самим есть-пить надобно. Самое главное рассказали друг другу, а перед уходом Клим снял тяжелый пояс, посоветовал в погребе зарыть, от пожара и от людей подальше. Брать сейчас для хозяйства Акулина отказалась: деньги у нее были. Прошлый год приходил маленький мужичок, который и раньше захаживал. Объявил печальную весть – убит Юрий Васильевич. Поплакали, погоревали. Ушел мужичок, денег богато оставил. После они купили этот дом и переселились из Стрелецкой слободы. Спокойнее тут.

Поговорили и решили – пока Василиса к новому дому привыкнет, дядя Клим станет заходить к ним, а там – видно будет.

7

Приближалась зима. В жизни Клим все было тихо и ладно, однако необходимо уходить: он понимал, что может нарваться на кого-нибудь и принести несчастье близким. Да и в Москве было беспокойно. Умерла государыня Анастасия. Поползли слухи, будто ее отравили. Намекали, что это дело рук Адашева и протопопа Сильвестра. Обиженный такими слухами, Сильвестр ушел в монахи, и вскоре был сослан. Оба брата Адашевы, Алексей и Даниил, находившиеся с войсками в Ливонии, не избежали опалы. А сколько взято с ними – счета нет. Простой люд тоже в страхе был. Редко кто отважится, предварительно оглядевшись по сторонам, шепнуть на ушко приятелю, будто государь ведет жизнь непристойную, ударился в непотребство.

И все же одно обстоятельство удерживало Клим – он хотел узнать, что случилось с Таисией. После долгих колебаний решил посетить Собинку, уж там-то каждый должен знать, что с боярышней.

Клим сказал Исаю, что по пути на Белое озеро он должен побывать во Владимире. Исай вызвался помочь и тут же устроил его попутчиком в небольшой караван стругов знакомого купца Курганова, идущего с товарищами по Клязьме. Клим обрадовался – предстояло пройти памятным путем.

Распрощавшись с Акулиной, с богоданными дочками и с матерью, а также с Исаем, которого он стал почитать, как близкого родственника, Клим ушел к Яузским воротам, где грузились струги. На следующее утро еще затемно двинулись в путь, полагая ночевать в Мытищах – перед Мытной заставой. Там с вечера прекращалось движение и по реке, и по Троицкому тракту.

Однако, как говорится, человек полагает, а рок располагает. Не доезжая до села Тонинского, около дворцового моста, караван остановили стрельцы. Десятник стрелецкий приказал отвести струги назад и спрятать в камышах, чтобы с дороги не видно было. И боже упаси костры разводять!

Курганов начал обхаживать десятника, обещая отблагодарить, если пропустит. Но тот пояснил, что с минуты на минуту государь проехать должен, и ему собственная голова дороже посула.

Струги отогнали и спрятали. Приказчики и коногоны высыпали на берег, чтобы из кустов посмотреть на царев поезд. Но появился стрелец с бердышом и прогнал их. Однако он оказался сговорчивее. Получив денежку, отошел на дорогу, предупредив, – ежели кто высунется, стража царева запросто посечь может.

Когда заходящее солнце золотило последними лучами вершины сосен, раздались бубенцы и конский топот. Поднимая пыль, рысью прошли стрельцы, за ними разодетые царевы сотрапезники, позади пароконные кибитки.

Купец, выглядывая из-за кустов, указывал Климу друзей царевых:

– ...В алом кафтане – Федька Басманов, вроде как постельничий государя. Много неопределенности про него бают. А в синем – Афоня Вяземский, хоть и князь, а главный кромешник. Это вон тот – Васька Грязнов, вся грязь – его рук дело...

– А государя нет.

– Вон его коня ведут. В кибитке, значит, едет. Видишь, со своими девками.

Из кибиток доносились обрывки песен и повизгивание.

– ...А эта кибитка черным сукном обита. Наставник государя следует. Архимандрит Чудова монастыря Левкий. Все действия крестом и монашеством покрывает. О, Господи, прости нас, грешных!

...Спали прямо в стругах. Были не одни: к ночи еще десятка два груженных лодок прибыло.

Примерно в полночь пришел стрелецкий десятник. Сказал, что велено пяток стругов пропустить. У Курганова было шесть. Пришлось уговаривать. Другие хозяева проснулись, тоже ехать хотят, шум поднялся. Десятник цыкнул на них, пригрозил бердышом. Через заставу прошли только струги Курганова. Тут же радость сменилась сомнением. Кто приказал? Почему только пять стругов?!

Отдохнувшие кони ходко тянули струги вперед. Справа на берегу темнели избы, там петухи разноголосно приветствовали зарю. На другом берегу почти к самой воде подходил забор. За ним на холме – дворец, ярко освещенные окна настезь, до реки доносятся песни, хохот, звон посуды – пир в полном разгаре.

Когда миновали село, Курганов дал сигнал и струги причалили к берегу. Купец и старший приказчик начали совещаться. Разговаривали тихо, но самое главное Климу понял – они опасались нападения. Ему не раз приходилось слышать, что многие местники грабили купцов, а потом сваливали на Кудеяра. Они всегда нападали не в своих вотчинах, но кто мог отважиться грабить рядом с царским дворцом!

После разговора купца с приказчиком струги перестроились. Три пошли на бечеве, на них осталось, кроме Курганова и Клим, только по рулевому. Другие три струга ушли вперед на веслах. Освободившихся лошадей угнали в лес.

8

Восток зарозовел. Над рекой начал подниматься туман. Размерный скрип уключин скоро затих впереди. Слегка плескалась вода под стругами. Иногда над туманом со свистом проносились потревоженные утки да шлепали кони по тинистому бечеву.

За излучиной начинались обширные заросли камыша. Струги медленно двигались около берега по узкой полоске чистой воды. Разливалась заря на полнеба, но здесь между камышом и круто возвышающимся берегом туман загустел. Напряжение спало, и Климу обратился к Курганову:

– Миновало, кажется. Днем не станут нападать.

– А чего им бояться? Днем виднее.

– Ты думаешь это...

– Ничего не думаю... Слышишь?

В тумане коней не было видно, но слышалась какая-то возня. Бечева ослабела, и тут же струг потянуло к берегу. Рулевой принялся усиленно работать веслом, но тщетно – струг явно подтягивали. В следующее мгновение сквозь туман на берегу показались силуэты людей,

рулевые рубанули бечеву, но три или четыре багра зацепили борт, струг подтащили к берегу, скоро рядом поставили еще два. Людей грубо согнали на берег и принялись раздевать догола.

Сами разбойники были одеты во что попало, рваные кафтаны явно с чужого плеча, бабы душегрейки, и многие просто в рубахах, будто вышли на прогулку. Волосы на голове и бороде хотя и всклочены, но аккуратно подстрижены. Раздевая купцов, пересмеивались, стаскивали и исподнее, одежду вязали в узлы и выючили на отобранных коней. Ото всех несло сивухой.

Вдруг они заторопились и, погоняя лошадей, скрылись в тумане. По реке от Тонинки раздались песни и гогот.

Голые торговцы пошли к лодкам, которые оказались полузатопленными. Принялись вынимать и таскать на берег намокшие тюки. Разгруженный струг повернули, чтобы слить воду, обнаружили – дно в двух местах прорублено. Принялись за второй.

Стало слышно, что по реке на веслах шло несколько лодок с веселой компанией. На каждой лодке пели свою песню, стараясь перекрычать друг друга. Женских голосов было больше, чем мужских. Вот в тумане показались желтые пятна – в лодках жгли факелы. Наверное, там тоже увидели людей, лодки повернули и пристали к берегу. Из тумана появились притихшие зрители, перед ними действительно невиданное зрелище – около стругов, вытащенных из воды, сутились голые люди, несмотря на холодное утро и белую росу на траве.

В первый момент приказчики и лодочники застеснялись, стали отворачиваться, загоразживаться. Курганов на них зашипел:

– Чего жметесь? А ну ходи! Работай!

– Бабы ведь...

– Этих баб... не напугаешь! Пусть смотрят.

К тому времени ограбленные сложили несколько костров, поставили таганы и котлы со смолой. Курганов направился к зрителям. Бабы захихикали, кончиками платков прикрылись. Он как ни в чем не бывало, поклонился:

– Люди добрые, нас разбойники обобрали, лады попортили. Одолжите огниво костер развести, смолу разогреть, самим обогреться.

Молодой парень с еле пробивающимися усиками вышел вперед.

– Пошли, дед, разведу.

Клим заметил, что зрители будто чего-то ждали, постоянно поглядывали на лесную опушку, где еще молоком разливался туман. И вдруг затихли, повернувшись к лесу. Оттуда выехало шесть стрельцов. Впереди здоровый парень в терлике десятника. Двое позади вели лошадей под выюками. Десятник осадил коня перед разгорающимся костром:

– Что за люди?! Почему голышом? Туды-распротуды!

Курганов нарочито гневно ответил:

– Потому и голышом, что вы, царевы стрельцы, плохо службу несете. Разбойников не гоняете. Вишь, как нас обчистили на царевой земле!

– Чего ты лаешься, борода! Мы тех воров изловили, по деревьям развесили. Не твоя ли одежда на тех лошадях?

– Кони мои... И одежда, видать, наша. Дозволь посмотреть, господин десятник, – изменил свой тон купец. – Вот, дай Бог тебе многие лета!

– Ладно, ладно! Прикрывай свою срамоту. А вы чего уставились, срамницы! По лодкам! И давай отсюда!

Стрельцы подъехали, сбросили на землю узлы с одеждой. Голыши принялись ее разбирать. Десятник препирался с девками. Клим рассмотрел стрельцов, ни одного знакомого. Один подъехал к нему:

– А ты кто будешь?

Клим обомлел, несмотря на холод, ему сделалось жарко. По голосу он узнал царя!.. Борода и усы поседели, нос заострился, а глаза такие же, пристальные, огненные. Заставив себя сохранить спокойствие, ответил:

– Раненый воин я. Пристал к гостю, во Владимир иду.

– Где ж тебя так изуродовали?

– Татары под Липецком прошлый год. Сабельщиком был в ертауле полка воеводы Ржевского. – Клим овладел собой, теперь он готов был перечислить всех больших и малых воевод до сотника, на случай поверки. Говорят, Иван знал своих воевод поименно. Однако лжестрельца заинтересовало другое:

– Ну-ка повернись, повернись.

Клим старался держаться лжестрельцу изуродованной половиной лица. Теперь пришлось повернуться. Тот хмыкнул:

– Эх тебя изрисовали! И жив остался. Постой, постой... И тебя, видать, драли крепко! За дело?

– По молодости лет. За девку, – врал Клим, а про себя думал: «Хорошо трава высокая, а то бы ожоги заметил!» Стрельцу понравился ответ.

– Видать, хватом был. – В это время лодочник принес одежду, Клима. Сверху лежала раскрытая заплечная сума. – Это весь твой достаток?

– И то люди добрые дали. Благодарю Бога, что жив остался.

– Моли, моли Бога. Он всемилостив, – молвил стрелец наставительно и отъехал.

Клим принялся одеваться. Краем глаза заметил, что этот страшный стрелец сказал что-то десятнику. Тот сразу развернул коня. Произошла какая-то заминка. Клим понял по-своему: «Узнал!» Дух захватило. Но десятник стал приближаться к нему один. Наклонился и протянул золотой:

– Держи. За храбрость тебе. – Так все произошло неожиданно, что Клим растерялся. Десятник засмеялся: – Обалдел, да?

– Благодарствую, десятник! Скажи, за кого Богу молиться?

Десятник, помедлив, ответил, разворачивая коня:

– Ставь свечи Иоанну Предтече.

...Лицедейство окончено. Стрельцы с посвистом ускакали. Лодки отошли, на них грянула ладная песня. Курганов истово перекрестился на восходящее солнце:

– Слава Тебе, Господи! Миновало! Васятка! Ступай в камыши, вызывай.

Клим подошел и негромко спросил его:

– Ты узнал, кто этот ряженный стрельцом, с бородкой клинышком?

– Узнал. А ты видел его раньше?

– Приходилось. Почему же ты ряженому десятнику кланялся, а не ему?

– Вспомнил кое-что. На моего земляка, он во дворец поставлял товары, так же вот навалились скоморохи. А он в одном из них узнал государя и поклонился ему в ноги. Так били моего знакомого до полусмерти – как он посмел подумать, что государь скоморошничает! А нам нужно возблагодарить Господа, что обошлось без крови. Вот только кошельков лишились. Струги починим, товар подмок – просушим. А с красным товаром в камышах переждали. Вон они...

К вечеру минули Мытищинский волок, ночевали на берегу реки Клязьмы. Ни в этот день, ни на следующий никто их не нагонял. Значит, государь не один день веселился.

Дальше без помех шли по течению, Клязьма быстро становилась многоводной, собирая множество лесных притоков.

Клим смотрел на берега, покрытые лесом, на селения и тихо радовался своим воспоминаниям. На этот раз он ничего не рассказывал своим спутникам. Вот от хвори лечил, как мог, и всегда удачно, даже сам удивлялся на свои способности.

9

В тот день до села Собинки не дотянули, остановились ночевать верстах в десяти. Клим, отдохнув часа два, еще до зорьки ушел от купца и ранним утром подошел к селу. Прямо у околицы стоял пастух с предлинным кнутом и бабы. Обсуждали – можно ли выгонять скот, если на траве иней. Решили, что нельзя, и стали расходиться. Клим остановил старушку около ворот и попросил вынести напиток. Старушкапустила его на двор, принесла кружку парного молока и кусок хлеба:

– Ешь на здоровье, болезный. В избу не зову – народу у нас полно, только встают.

Клим с благодарностью принял приношение и, усевшись на поленницу, принялся есть. Старушка, придерживая подбородок, горестно смотрела на него, потом решила спросить:

– Сам-то откуда?

– Издалека, сестричка. С Белого озера. Вот у Владимира святым угодникам поклонюсь и по первопутку буду к дому пробираться.

– Жена, дети ждут?

– Нет. Бобыль аз. – Чтобы предупредить поток других вопросов, спросил сам: – Тут в ваших местах бывал. Боярыня, как и прежде, жалует нашего брата?

– Принимает и теперь. Вас она жалует, а вот нас не дюже. Такая...

– Помню, боярышня тут была отменной доброты. Небось замуж вышла?

– Какой замуж! Христова невеста она. В Суздале, в монастыре.

– Да ты что! И давно?

– Порядком. Почитай, лет шесть уже. Мужик мой еще жив был.

– И сейчас там?

– Там, в Девичьем. Прошное лето мой старшой туда нашего боярина с боярыней возил. Видались с ней.

Клим ушам не верил! Возможно, старуха что-то напутала? Принялся уточнять:

– Она все время в том монастыре?

– А куда ж ей деться?! Говорят, будто схиму носила.

– Схиму?! Вон дела-то какие! Нарекли-то ее как?

– По-чудному как-то... Дай Бог памяти... Тарифа, кажись.

– Может, Тавифа?

– Во, во, правильно, Тавифой. – Дальше старуха принялась задавать свои вопросы: где изрубили, почему не женат, кто родители. Клим терпеливо отвечал, потом, поблагодарив еще раз старушку, ушел.

Он узнал все, что его интересовало, – Таисия в монастыре. Однако что это за схима? Шесть лет монашества? Тогда, два года назад, и Федор говорил, и теперь загадка. Он не решился расспрашивать других, по селу мог пойти слух – какой-то урод интересовался боярышней. Значит, нужно идти в Суздаль.

Клим вышел на берег Клязьмы, и вскоре его подобрали на струг Курганова.

10

В Суздале для приезжего люда постоялые дворы и гостиницы и в архиерейском подворье, и при монастырях. В слободе также мало кто не пускает к себе постояльцев, особенно в дни больших праздников. Вот и Клим поселился в слободе у бобыля Сороки, мужика неопределенного возраста с редкой бородой и мясистым фиолетовым носом.

Просторная изба Сороки – грошовая гостиница для нищих – кроме печи имела еще широкие скамьи вдоль всех стен и небольшой стол в красном углу, где перед единственным

темным ликом неизвестно какой иконы по праздникам горела лампада. В избе за постояльцами закреплялось постоянное место на скамье, за дополнительную плату можно было получить подстилку.

Хозяин, собрав ежедневную дань с гостей, забирался на печку. Туда и на полати он пускал особо почетных гостей. Сорока считался зажиточным мужиком, как-никак, а в месяц заработок не меньше полтины, тогда как на хлебе и квасе с луком можно прожить месяц на пятак, а если добавить кашицу с салом, то на гривенный. Несмотря на богатство, все хозяйство Сороки помещалось в плетневых сенцах – это поленница дров да три снопа ржаной соломы, которая при большом стечении гостей расстилалась на полу.

Сорока дважды в день топил печь. В это время почетные постояльцы могли варить себе хлебово. Клим тоже имел горшок, место на скамье и подстилку.

Клим в Суздале прежде всего посещал храмы, монастыри, только в Ризоположенский девичий монастырь ему проникнуть не удалось. Настоятельница мать Агния в страхе божьем держала свою паству. Особенно ревностно помогала ей сестра Тавифа.

Затем Клим познакомился, а потом и подружился со знахаркой Серафимой, резвой старухой, любительницей бражки и меда хмельного. Он вызвался ей помогать в лекарстве, льстил ей на каждом шагу. Бабка таяла, видела в нем послушного помощника и, самое главное, терпеливого слушателя. От нее он узнал подробности жизни в монастырях, все, что интересовало его об инокине Тавифе, о ее схиме и освобождении от схимы и многое другое. Иной раз Клим удивлялся своему многотерпению. Он не перебивал бабку даже тогда, когда она излагала подробности, от которых ему приходилось краснеть. Терпел потому, что не мог понять до конца историю многолетней схимы Тавифы и надеялся что-либо узнать новое из болтовни знахарки.

Вообще Клим все больше и больше убеждался, что во многом изменился. Научился, например, со спокойной совестью говорить неправду, проще говоря, врать о себе и о своей жизни. Вначале успокаивал, что, мол, ложь во спасение. Теперь он не вмешивался в разговоры, хотя там другой раз говорили по незнанию или умышленно откровенную ересь. Или вот еще – слушает Серафимину дикую мешанину из лжи и правды, да еще поддакивает! Он понимал, что такое поведение как раз и называют житейской мудростью. Это соображение служило хотя и маленьким, но все ж утешением.

А пока время шло. Клим без особой надобности задерживался в Суздале. Он теперь знал о Таисии, что она жива и здорова, монашка и замаливает грехи. И тем не менее не уходил, явно обманывая себя – то непогода, то мороз. А на самом деле он хотел последний раз взглянуть на Таисию, взглянуть и уйти. Такой случай был возможен на Рождество, тогда монастыри организовывали обеды для нищих. В женские монастыри на большие праздники пускали не только старух, но и стариков. Клим ждал Рождества. Но минул праздник, а увидеть Таисию не довелось. Говорили, что в Ризоположенском монастыре сильно захворала игуменья, отменили обед, а собравшихся нищих оделили денежками, чтоб молились о выздоровлении рабы Божьей Агнии.

Теперь нужно ждать Пасхи, нужно было зимовать здесь, в Суздале.

И вот тут на зимний мясоед произошло неприятное событие: Клим поссорился с нищим. По-видимому, его уродство вызывало сочувствие у богомольцев. Стоило ему остановиться на паперти, оперевшись на посох, как тут же к нему направлялись с приношениями либо сердобольные старушки, либо молодки, наполненные радостью жизни. А то подойдет купчина, подаст сребренник и поинтересуется житьем-бытьем.

После одной воскресной обедни, до начала которой Клим уже получил подавание от молящихся, он вернулся домой. Следом за ним вошел нищий по прозвищу Типун. Это был мужик благочестивого вида. Ходил он с костылем – одна нога у него была на четверть короче другой. Он умел жутко закатывать глаза, а умилившись чем-нибудь, обливался обильными слезами.

Клим раньше заметил, что другие нищие боялись его. Однажды он видел, как мальчишка, поводыр слепцов, что-то сделал не по его. Типун хотел ударить мальчишку, но тот попытался убежать. И тут произошло невероятное – Типун, поднял костыль, весь изогнулся и с удивительной ловкостью припустился за мальчишкой, догнал его и избил костылем. Вернулся, как обычно, умело пользуясь костылем, победно улыбаясь.

Теперь Типун вошел в избу, сел на лавку и поманил Клим:

– Подь-ка, разговор есть.

Сидевшие в избе нищие, по-видимому, по тону поняли, что предстоит скандал, разошлись по углам, а один даже вышел из избы. Клим, недоумеая, сел подле него. Типун, искоса взглянув на него, продолжал:

– Нравишься ты богомольцам, хорошо тебе подают. Считаю я сей день, ты двугривенный заработал...

Клим с любопытством смотрел на него, не понимая, куда он гнет.

Тот ехидно продолжал:

– А у тебя здорово получается, когда из пустой глазницы слезы льются. У меня и то хуже.

Клим вспомнил: подала ему копеечку девочка, похожая на Веселу, вот он и прослезился.

Типун продолжал:

– Давай дружить будем. Ставить тебя на ходовое место буду из трети. Понял?

– Нет.

– Ну и дурак. Сей день тебя в угол не загонял, посмотреть на тебя хотел.

Действительно, в другие дни стоило ему встать, где идут люди, как его сразу же нахально загораживали два-три нищих. Вспомнил и усмехнулся.

– Чему лыбишься, Дранный? – повысил голос Типун. – Я – голова нищей братии! Я даю ходовые места! Гони три семитки!

– И не подумаю.

Клим встал и хотел отойти. Но Типун с завидной ловкостью вдруг набросился на него с костылем. Однако ударить ему не удалось, в следующий момент он покатился по полу, а костыль оказался в руке Клим. Тот замахнулся, но сдержал себя – потерявшийся Типун сжался на полу, загородившись руками. Опустив костыль, Клим сказал:

– Эх ты, голова нищей братии! Запомни: я воин, вражеские сабли сделали меня драным. Я ни у кого не прошу, мне подают из-за сочувствия. А ты чего предлагаешь? Эх ты! Следовало бы сломать этот костыль о твою дурью башку! Да уж ладно, на первый раз прощаю. Держи.

Клим отдал костыль опешившему Типуну, а сам как ни в чем не бывало начал мыть горшок, чтобы сварить кашу. Типун поднялся с пола и проковылял к скамье. Кто-то из присутствующих ухмыльнулся, Типун замахнулся костылем, но, поймав взгляд Клим, не ударил.

После этого дня Клим перестал останавливаться на паперти, сразу проходил в храм, не хотел мешать Типуну собирать свою жатву.

11

Неудачно складывалось и знакомство со знахаркой Серафимой. Клим вскоре полностью разочаровался в ее знахарстве. Трав она не знала, лечила кое-как, вместо заговора болтала непонятные слова, даже перевязать рану как следует не умела. Оставалась равнодушной, если больной умирал, – Бог взял, и все. Так и не понял, почему она нравилась больным больше, чем другие знахарки.

Клим начал избегать ее. Она поняла это по-своему: мол, вызнал секреты, и в сторону. Боясь скандала, он продолжал потакать ей, и неожиданно был вознагражден сторицею за долготерпение. Получилось это, когда он сказал, что она один и тот же отвар дала от кашля и от более желудка. В ответ Серафима уверенно заявила:

– Вылечиваются не от лекарства, а от веры! – Клим собрался резко оборвать, но она опередила его, вздохнув, добавила: – Вот умел бы ты читать...

– Немного умею, – сдерживая себя, ответил он.

– А глаголицу знаешь?

– Учил и глаголицу.

– Во! Раз умеешь, пошли ко мне.

Клим пошел, хотя ничего хорошего от этого посещения не ожидал. В избе, усадив гостя за стол, Серафима достала из-за иконы тетрадь в кожаном переплете, вытерла пыль и подала ему. Открыл он переплет и вскрикнул даже. На первой странице было выведено:

ⳑⳗ+ⳕⳑⳗⳑⳗ

Довольная Серафима подсказывала:

– Вот это и я знаю: мужик мой читал: твердорцы-аз-веди – значит «трав», наш-иже-како-ер, значит «ник», «травник»! Правильно? Но а дальше по складам много не прочтешь, да и буквы я не все знаю.

Не слушая болтовню старухи, Клим листал тетрадь и несказанно радовался – именно этой книги ему и не хватало! А Серафима настойчиво просила:

– ...Ты чего, оглох, что ль? Прочти, какие травы от грудной жабы помогают.

Он читал до позднего вечера, читал и на другой день. Знахарка повторяла прочитанное и требовала: прочти то, прочти другое. Он послушно выполнял ее желания и как-то сказал, что будет искать бумагу, чтобы переписать тетрадь себе. Но счастье продолжало улыбаться ему, Серафима предложила:

– А зачем на бумагу тратиться? Бери, отдаю! Я такая – для хорошего человека ничего не жалею!

– Благодарствую, но обманывать не хочу: этой книге цены нет.

– Это ж для того, кто читать умеет. Я к дьячку ходила вот с этим листком. Повертел он его, повертел и говорит: «Мудрено писано. Вроде чернокнижья. Сожги, говорит, бабка, от греха подальше». Верно выходит, цены нет. Бери, сам читай и мне читать будешь.

С этих пор Клим не расставался с «Травником», с этим лечебником дедов и прадедов. Он так дорожил тетрадью, что на внутренней стороне кафтана специально для нее пришил карман.

Время шло. Наступил Великий пост, до Пасхи осталось меньше месяца. Отшумели метели, солнце начало пригревать. Пользуясь установившейся тихой погодой уже сегодня, в субботу, начал съезжаться на базар народ. Клим решил завтра все же постоять на паперти, требовались деньги на новую шапку, старая совсем расползлась. Однако пришлось зиму дохаживать в старой...

В избе Сороки стало известно, что в Спасо-Евфимиевом монастыре скончался благочестивый старец. Сам владыко будет служить панихиду в соборе Рождества Богородицы.

Нищие поднялись ни свет ни заря. Клим задержался, не хотел идти со всеми вместе, а когда пришел в кремль, то Типун поставил всех своих подопечных сплошной стеной, сам со стороны следил за порядком. Клим ничего не оставалось, как пройти в собор.

Служба еще не начиналась, но паникадило уже сияло сотнями свечей. Храм был заполнен темными рядами монахов. Немного продвинувшись среди молящихся, он в изумлении остановился – левую половину собора занимали монашки. Они стояли тремя тесными группами, от трех женских монастырей. Кто же тут из Девичьего монастыря? Клим начал осторожно продвигаться вдоль стены к алтарю, в надежде разглядеть лица монашек, найти среди них Таисию.

И вдруг в сажени от себя увидел ее профиль. Прямой нос, длинные ресницы... Он их узнает из тысячи! Вот она повернулась, перед ним ее лицо! Черный плат закрыл лоб до бро-

вей, тугими складками обрамлял щеки и подбородок. Бледное спокойное лицо, потупленные глаза и скорбно опущенные уголки розовых губ. Господи, ведь это же ее, его губы!.. Забыв обо всем на свете, забыв о своем уродстве, о пропасти, разделявшей их, Клим шагнул к ней... Но будто что-то толкнуло его. Он повернул голову. Около него появилось лицо другой монашки... Настенька! Она в упор смотрела на него, ее глаза все больше и больше раскрывались, а лицо заливала бледность. Она, стремительно загородив рот рукой, подавила крик...

Клим опомнился, еще раз взглянув на Таисию, отпрянул к стене и начал пробираться к выходу. Позади, около алтаря, произошло какое-то движение. Он услышал шепот: «Упала, упала!»

Из кремля он чуть не бежал. Что он наделал, сумасшедший! Конечно, Настенька узнала его! Это она упала там, в соборе. Пришел конец их душевному покою. Нет, нет, здесь оставаться нельзя!..

Эти мысли подгоняли его. В избе он быстро собрал в суму свой скромный скарб, распрощался с Сорокой, сказав ему, что встретил знакомого и уезжает с ним. Сорока спросил куда, но ответа не разобрал.

Затем Клим направился к Серафиме. Сказал ей, что из Суздаля уезжает с другом, пришел проститься и возвратить «Травник». Серафима ахнула, прослезилась, принялась бегать по избе, собирать в суму калачей, пареную репу, лук и другую снедь, приговаривая:

– Родненький! Как же без тебя буду? С тобой-то мне лепо было, сколько премудрых советов узнала!.. Садись-ка, похлебай щец на дорогу... Когда вернешься-то?

– Не знаю. Скоро не вернусь.

– О, господи! Досада-то какая! Книга-то мне без надобности. Бери себе, пользуйся, меня вспоминай. Да возвращайся скорей.

Машинально Клим поел постные щи, поблагодарил за книгу и вложил в руку обомлевшей Серафиме золотой на память. Заворковала, запричитала она.

Ушел по первой попавшейся дороге, которая убегала на восток. Солнце ярко освещало ему путь, отражаясь в тысячах снежинок, согревая, лаская теплыми лучами его обезображенное лицо. Он шагал и шагал словно в забытии. Перед ним стояло бледное спокойное лицо Таисии с опущенными веками... Потом всплывало лицо Настеньки в беззвучном крике, охваченное ужасом.

А он все шел и шел. Потухли снежинки, солнце затащило облака, подул ветерок, побежала белыми змейками поземка. Только теперь Клим осознал, что идет неизвестно куда, что солнце на закате и поземка замечает дорогу.

Оглянулся. Кругом бесконечное поле, впереди на далеком горизонте синее лес. Дорога не очень накатанная, ее замечает поземка. Но заблудиться нельзя – по обочинам вешки. Двинулся вперед.

Наступили сумерки, потемнело небо над приближающимся лесом. Увидел несколько черных точек, движущихся вдоль опушки леса к дороге. Волки! Испытал не страх, а удивление: «Во как! Не погиб от сабель и от стрел врагов, после дыбы остался жив, и вдруг волки! С палкой в одной руке борьба будет короткой. Да может, борьбы вовсе не будет. Устану, присяду отдохнуть, задремлю, и все... Небось сразу за горло...»

Горько усмехнувшись, взял посох покрепче и зашагал вперед.

Настенька не упала, только покачнулась, ее подхватили. Придя в себя, огляделась, нет его. Показалось? Нет, это был он... Только в келье, оставшись вдвоем, Настя рассказала Таисии о видении.

– Вот и сейчас он стоит передо мной. Половина лица его – он, Юрий Васильевич, а с другой стороны – слепец. Шрам синий через все лицо. Нет, нет, не показалось! Одним глазом он так смотрел на тебя! Нет, не плакал. Вот так смотрел... Ну, будто готов схватить тебя и унести...

– Сестричка! Опомнись, что ты говоришь! О, Господи! Прости нас. Это бес тебя смутил! Да еще в Божьем храме. Давай помолимся вместе.

После длительной молитвы пошли к игуменье Агнии, она болела и на панихиде не была. Разумеется, ей рассказали все, кроме видения Настасии.

Вечером бабка Серафима навестила Агнию, принесла валерьянового корня, научила, как настой делать, пояснила, что в древних книгах написано: облегчает боли сердца.

Когда уходила, в сенцах остановила ее Настасия и спросила:

– Бабушка Серафима, ты случайно не видела тут в слободе вроде как нищего. Половина лица у него будто срублена и без глаза?

– Видела, сестричка. Это Клим... – Серафима рада была поговорить об умном, добром, хорошем человеке. Выложила все, что знала, и что он дюже грамотный, по-всякому читает. Умолчала только о подаренном золотом.

Ночью Настенька все услышанное рассказала Таисии. Посмотрели в святцы – день ангела Юрия 23 апреля, тезоименование великомученика Георгия Победоносца, 22-го – апостола Климента – день рождения Юрия Васильевича! На следующее утро ходили к Сороке. Из всего того, что они слышали, сделали вывод: Юрий Васильевич жив, но крепко изуродован! И как только он понял, что его узнали, бежал. Куда?

Вскоре эта новость стала известна Сургуну, который к Пасхе привез свежего меда.

12

Весна. Разбежались сугробы ручейками, парит земля под солнечным теплом, зазеленела трава на пригорках. День прибывает, прибывает и забот у сестры Тавифы: вместе с келареей Ираидой семена проверяют, на поля ездят, с пахарями договариваются, где с какого бугра пахоту начинать. Старицам указывают, на какие работы и куда вести инокинь. А тут еще игуменью, мать Агнию, хвороба терзает, приходится и ей уделять внимание.

Сегодня, накануне Вознесения Господня (в 1561 году – 15 мая), зашла Тавифа в рукодельную светелку, там с десятка инокинь да белица Настенька вышивали разное на монастырскую потребу. Туда и мать Агнию привели, на людях легче ей. Обрадовалась игуменья Тавифе, попросила Священное Писание почитать, как прощался Иисус со своими учениками и вознесся на небеси.

Агния сидела посреди светелки в кресле, Тавифа у ее ног на скамеечке пристроилась с Евангелием в руках. Чтение прервала старица горбатенькая. Она неслышно вошла и в поклоне ждала, пока игуменья обратит внимание.

– Чего тебе?

– Матрена от владыки иконника привела. Шустрый такой, матушка, мы с ним уже в храме побывали. А Матрена в трапезной.

– Не вовремя... Ну, ладно уж, давай его.

Вошедший иконописец не понравился Агнии. Все как будто по уставу: и перекрестился, и поклонился, и стоит, опустив глаза, скуфейку мнет, а все ж не то. Ростом не вышел, ниже горбатой старицы, конопат, рыж, вместо бороды и усов – ржавый пушок. Никакой солидности! Подрясник монашеский застиран до белесой серости, со следами красок. Не сдержавшись, резко спросила:

– В архиерейской артели все такие?

Иконописец удивленно вскинул голову, но ничего не сказал, даже не взглянул на игуменью. Его взгляд остановился на Тавифе, не поднялся выше, и тут же опустил долу. В дальнейшем разговоре, отвечая на вопросы, он каждый раз поднимал глаза, все с большим интересом рассматривая монашку, сидевшую в ногах у игуменьи.

Горбатая старица поняла, что мать Агния сердится и может выгнать иконописца, поспешила ему на помощь:

– Матушка Агния, Матрена сказывала, что в артели он самый толковый. И опять же скромн и смиренн. Может, позвать Матрену?

– Обойдемся. Сумеешь образы исправить?

– Чего ж не исправить, постараюсь. Только крышу починить надобно.

– Не твоя забота! У кого учился?

– У старца Митрия, во Владимире.

– Митрия знаю, нам он Богоявление писал. Посмотрим, чему научился. – И уже миролюбиво спросила: – Откуда родом-то будешь, звать-то тебя как?

– Кириллой Облупышевым кличут. Из деревни Хлыново, что из-под Броничей...

Долго еще Агния расспрашивала да наставляла иконописца, потом поучала старицу, как нужно следить за его работой. Но сестра Тавифа ничего не слышала этого. Хлыново ведь деревня Юрши, туда она посылала деда Сургуна с письмом... Потом Юрша рассказывал, что книгу о Тульском сражении разрисовывал мальчонка Облупыш! Господи, ведь это тот самый!

После всенощной, вернувшись в свою келью, Настя первая заговорила о Кирилле:

– Боярышня... нет-нет, сестрица, ведь деда мой в Хлыново под Броничи с твоим письмом ходил! – Тавифа молча раздевалась. Настя продолжала: – Этот иконник, может, знал Юрия Васильевича. Интересно, как об нем мужики... – Замолчала, пока молились на ночь. И вновь: – Начнет работать, давай сходим.

Тавифа бесстрастно спросила:

– Зачем?

– Как зачем? Его люди разное могут сказать...

– Узнаешь: любили его, другие ругать примутся. А может, забыли уже... Ну и что?

Молчали долго, возможно, боярышня уснула уже. Поэтому Настя очень тихо сказала:

– Какая-то ты сухая стала. Ничего не касается тебя!

Тавифа не спала, ответила так же тихо:

– Хотела бы, нужно, чтоб не касалось. Я похоронила на Воронеже Юрия Васильевича, а тут себя.

– Господи! Да ведь он жив! Да появись Сереженька, я пошла бы за ним на край света! А ты... Ругала меня, зачем я сказала деду про видение в храме. А ведь дед ведун, помог бы разыскать Юрия Васильевича.

– Иди ко мне, – пригласила Тавифа Настю. Продолжала шептать: – Ладно. Разыскали мы Юрия Васильевича, вот он тут, в Суздале. А дальше что?.. Ну, говори, чего же молчишь?.. Вот то-то, сказать нечего. Может, конечно, Тавифа бежать из монастыря, мало ли девок-расстриг. Он теперь меченый, урод, не атаман, а бродяга-лекарь. Разыскать, поймать нас будет нетрудно. Ему люта́я казнь, мне второй побег не простят. Самое малое – монастырский подвал при жизни и вечные муки в аду!.. Нет, Настенька, Таисия свое отлюбила и умерла, – и, всхлипывая, закончила: – А сестра Тавифа – живет для Бога, для монастыря. И, даст Бог, станет старицей Тавифой...

– Боярышня, милая, ты плачешь! Значит...

– Ой, нет, Настенька... Плачу... Оплакиваю горькую судьбу боярышни Таисии и радуюсь светлому пути инокини Тавифы... А Юрий Васильевич, Юрша тоже умер...

– Господи, заживо хоронишь! Грех-то какой!

– Нету, нету его в живых! По свету ходит урод лекарь Клим! И дай Бог ему многих лет жизни! Все перегорит, уляжется. Пройдут годы, и когда-нибудь на росстани пересекутся наши пути, встретимся, поклонимся мы друг другу и разойдемся навечно здесь, на земле. А встретимся в иной, радостной жизни...

Поплакали немного, успокоились, и Тавифа рассказала Насте о хлыновском паренке Облупыше и распорядилась:

– А встречаться нам с иконником нет нужды. Вдруг Юрий Васильевич ему про боярышню Таисию что рассказывал. Тут до греха один шаг...

* * *

Иконописец Кирилл для мастерской отделил дощатой перегородкой светлый, солнечный угол пустующей храмовой трапезной, вход прикрыл мешковиной. Сюда с подручным Ванчей принесли снятые с иконостаса иконы, попорченные временем и сыростью. Сперва лечили их, вздувшиеся места подклеивали, швы и трещины штукатурили и лишь потом освежали пожухлые краски. Так они сидели в мастерской от зари до зари, изредка перекидываясь словами, чаще напевая песни вполголоса. Если песня ладилась и крепчала, появлялась старица и шипела на них. Она же встречала их по утрам и провожала вечером до ворот монастыря.

И вот однажды мешковина у входа поднялась и в мастерскую вошли двое. Одна из них та самая монашка, которую приметил Кирилл в светелке у игуменьи. На несколько секунд он замер в полуобороте с поднятой кистью...

...Тавифа с Настей принесли икону из божницы игуменьи – с лица Богоматери краска скололась. Образ дорогой, старого письма, серебряный оклад жемчугом и камнями усыпан. Мать Агния попросила Тавифу отнести к мастеру и досмотреть, чтоб греха не вышло какого...

Придя в себя от изумления, Кирилл взял икону, развернул тряпицу, поставил на верстак. Пока Тавифа объясняла, что требуется сделать, Кирилл не отрываясь с благоговением смотрел на инокиню. Тавифа рассердилась, но постаралась сдержать себя:

– Братец, нелепо так взирать на меня. Осмотри лучше образ, сумеешь ли исправить, не испортишь ли?

– Видел уж, исправим в лучшем виде. Ванча, отдели оклад. Возьмете с собой, а за образом завтра придете. А ты, сестрица, не сердись на меня, не гневайся. Смотрю на тебя... ведь я – лицевищик.

– Не ведаю, кто это.

– У нас, у иконников, лицевищик лики угодников изображает. Вот гляди. – Кирилл быстро повернулся к станку. – Этот образ Иисуса моего наставника, старца Митрия работа. Видишь, на лике его скорбь бескрайняя, горюет он о греховности нашей, и опять же доброта всепрощающая, и ласка, и величие... Ведь каждый рисовальщик может кистью око изобразить, бровь изогнуть, морщинки малые, тени положить. А ведь не каждому дадено на лике изобразить горе и радость, ласку и величие. Таинство это великое, и не каждому оно ведомо. Я вот гляжу на тебя, – Кирилл говорил воодушевленно. Теперь Тавифа с интересом рассматривала его. Неказистый парень, волосы на голове, что ремешком перехвачены, вроде соломы ржавой. Такие же ржавые и брови и веки. А в глазах зеленых искры восхищения и радости. Невольно верилось, что ему подвластны никому не ведомые таинства. А он продолжал: – И вот я гляжу на тебя, сестрица, и вижу многое. И горе большое, и...

Горячую речь иконописца прервало восклицание Насти. Она, вслушиваясь в слова Кирилла, подошла к подручному, чтобы взять снятый оклад. Тут ее взгляд упал на образ Георгия Победоносца. Эту икону она видела много раз, стояла она в левой стороне иконостаса. Икона была незаметная, потемневшая сильно. Теперь же на нее будто упал луч солнца, она сверкала новыми красками. Но вскрикнуть заставило ее другое: с иконы на нее смотрел Юрий Васильевич, каким он приезжал в Тонинскую.

В тот же момент икону разглядела и Тавифа, она побледнела. Кирилл взглянул на одну, на другую женщину и все понял:

– Вы знаете барина нашего, Юрия Васильевича?! Знаю, знаю, грех великий, но рука сама... Сейчас замажу...

Тавифа подошла ближе, всмотрелась и неожиданно для себя спросила:

– Почему он печальный такой?

– Ведь он же Георгий, а змий – это крымчак. Одного он победил, а сколько осталось! Сейчас я... Ванча, кисть.

– Слушай, Кирилл-иконник, что скажу тебе. – Строгий и внушительный голос Тавифы удивил Настю. – Замазывать не надо, еще больший грех. Его тут никто не знает, поставь образ на место. Но сам и подручный твой – держите язык за зубами. Сам знаешь, чем такое кончится может.

– Спаси Бог тебя, сестрица. Юрий Васильевич мой благодетель. Он денег дал отцу Нефеду, попу нашему, и приказал в учебу определить меня. Век помнить его буду. И тебя, сестрица.

– Меня-то за что? – И, приблизившись к нему, прошептала: – Может, знаешь, где книга, что разукрашивал ты?

– У отца Нефедя, переплели мы ее... – Ответил и только тогда удивился, откуда про книгу монашка знает. А Тавифа погрозила ему пальцем:

– Помни, болтать будешь, великая кара будет тебе и на этом, и на том свете! – Она перекрестилась и ушла.

Больше Кирилл не видел этой монашки, икону игуменьи взяла другая, со старицей приходила. Образ Георгия он поставил на старое место в иконостасе. Этим летом он закончил работы в Суздале, и больше сюда приехать ему не удалось. Иноклию Тавифу он больше не видел, хотя задержался с отъездом на один день и проторчал у ворот Евфимиева монастыря.

Икона Георгия Победоносца сколько-то лет стояла в иконостасе, потом ее заменили Праздником всех святых. Новая игуменья взяла из иконостаса и поставила в киот своей горницы.

13

Село Уводье раскинулось по берегу реки Уводи, и все жители на селе были Уводьевы. Даже поп был из местных, отец Захарий Уводьев. Стояло село посередине дороги между Суздалем и Шуйей. Уводьцы всем селом держали извоз. Возили из Шуи холст, шерсть и кожи во Владимир и Суздаль, а обратно – хлеб и все другое, нужное в хозяйстве.

И вот однажды зимним вечером, возвращаясь из Суздаля с зерном, Сазон Уводьев с сыновьями подобрал в лесу до смерти уставшего путника, назвавшегося Климом Акимовым. Привез его в село, поселил у деда Кондрата, и прижился путник, даже известность получил – успешно лечил травами, зубную боль и кровь заговаривал. И не просто так, а с молитвой и крестным знаменем, так что отец Захарий разрешил ему детей грамоте учить. В округе называли его Климом из Уводья.

Четвертое лето жил Клим на реке Уводь. По весне и осенью бродил среди полей и лесов, часто с ребятами из села, собирал травы и коренья разные. Сушил, как указано в «Травнике», и безропотно в ночь-полночь шел лечить каждого – и бедного, и богатого. Охотно принимал приношения и еще охотнее раздавал эти приношения неимущим.

Дед Кондрат жил со своей старухой Маланьей в покосившейся хатенке. Они ласково принимали Клима, а потом привыкли к нему, как к родному. Он помогал им по дому, чинил их развалюху, лечил, разумеется задаром, в свою очередь кормил-поил их. Когда уводьцы ближе узнали Клима, многие предлагали угол в своих домах, но он остался верен деду Кондрату и его бабке.

Казалось, Клим был доволен своей жизнью. Он помогал людям, они оставались благодарны ему. Чего еще ему нужно? Никто не страдал из-за него, никто!

Ему очень хотелось повидать своих в Москве, но он отложил поездку на будущее лето. Суздаль же усилием воли выгнал из своего сознания. Если же в памяти, помимо его желания, возникали запретные картины, Клим прерывал работу, если это случалось днем, если ночью – вставал с постели и молился, клал сотни земных поклонов, пока не доводил себя до изнеможения. Так постепенно добился своего – вытравил воспоминания.

Клим числился аккуратным прихожанином. Каждый год в Великий пост говел и принимал причастие, делал приношения церкви и дружил с отцом Захарием, хотя и не открывал ему своих знаний церковных канонов и Священного Писания. По всему, Клим не мог предполагать с этой стороны каких-то неприятностей. Тем не менее с зимы почувствовал отчуждение Захария. Казалось, все осталось по-старому, но чего-то не хватало. Это что-то всплыло на очередной исповеди. После формального опроса и отпущения грехов Захарий спросил:

– Слушай, Климент, скажи Христа ради, нет ли у тебя какого греха или тайны, которую ты скрываешь от святой церкви?

Клим опешил. Что всплыло? Что известно попу? После секундного молчания ответил вопросом:

– Отче, только что я по совести признался во всех грехах. Спрашивай, в чем подозреваешь меня.

– Ладно, спрошу. Ты пришел к нам нищ и гол. Однако скоро показал Богом данные таланты. Эти таланты могли бы сделать тебя богатым, будь ты в большом городе. Даже в нашей глуши ты стал уважаемым, почетным человеком. Значит, что-то мешает тебе остановиться на глазах власть предержащих и стать известным. Вот первый вопрос: что именно мешает тебе?

– И еще есть вопросы?

– Есть. Отвечай на этот.

– Хорошо. Действительно, после ранения я нищенствовал. Однако такая жизнь претила мне. На смертном одре дал зарок – быть полезным людям, помогать им. А нищий пользуется трудом других. Будучи воином, я присматривался к лекарям. После выздоровления помогал им. Одна знахарка подарила мне «Травник» древнего письма. Теперь я изучаю его и следую его советам. К моей радости, мне удастся облегчить страдание других. И это понял я только тут, в Уводье. Я сказал истинную правду, готов целовать крест, отче.

После некоторого раздумья Захарий согласно покивал головой:

– Верю тебе, Климентий. Однако ж в твоих словах гордыня великая. Все мы живем от трудов других, вкладывая и свой труд, и свою молитву. Теперь вот второй вопрос. Я сам много раз убеждался, что ты хороший лекарь, душевный. Мои прихожане понимают это. Но они не понимают, почему ты бессребреник, почему ты раздаешь другим свое приобретение. Кое-чему я их учил, кое-что помнят из Священного Писания. И вот они начинают верить, что ты святой! Понимаешь, что это значит? Живого, грешного человека самовольно причисляют к лику святых! Поминают в своих молитвах. Просят меня, чтобы я молил Бога о здравии праведника Клим. Если дойдет до владыки слух, будто в Уводье появился святой, мне не поверят, что ты воистину праведник. Скажут, проделки лукавого, спаси и помилуй меня, Господи. Лишат сана. Твой «Травник» сожгут, а тебя сошлют, чтоб не смущал православных. Вот так-то. Что скажешь на это?

Теперь задумался Клим...

– Значит, в наше время не может быть праведника? – то ли спросил, то ли ответил он.

Захарий прервал его громким возгласом:

– Гордыня! Великая гордыня обуяла тебя!

– Возможно... Значит, мне нужно уходить отсюда?

– Я тебя не гоню, Климентий. Уважая тебя, говорю – гордыня губит людей.

Они расстались. С этого дня Клим сам никому ничего не давал. Иногда отказывался лиш-
ний раз сходить к больному. Бабка Маланья первая заметила изменения и в сердцах сказала,
что загордился он. Грустно стало ему – с двух сторон обвиняли в гордыни. Вздыхнув, ответил:

– Спаси Бог тебя, бабушка, что добра мне желаешь. Прошу тебя, все, что приношу, –
отдавай кому сама знаешь. – И тише добавил: – Будто потихоньку от меня. Так нужно, бабушка.

Все мелкие недоумения и переживания вскоре отошли на второй план, потому что про-
изошли куда более важные события.

14

Май подходил к концу. Клим с утра до вечера собирал лекарственные дары, радовался
яркой зелени леса, буйному цветению луговых трав. Эта радость заполняла все его существо
и передавалась другим. Куда бы он ни пришел, хозяин встречал его улыбкой, а хозяйка низ-
ким поклоном. Клим садился к больному на ложе, негромко рассказывал о возрождении при-
роды, о вечной жизни на земле. Легонечко массировал худую грудь, и затихала боль, легче и
глубже дышалось, появлялась живительная надежда. Потом, испив прохладное снадобье, боль-
ной погружался в приятный, оздоравливающий полусон.

Так Клим вечерами обходил своих подопечных, довольный тем, что день прожит с поль-
зой для близких.

Однако время шло. Реки вошли в берега, дороги просохли, пора собираться в путь.
Невольнo одолела грусть. Привык он ко всем, знал каждого уводыца. Особенно жаль больных:
уйдет он и лишатся они надежды на обязательное исцеление. Правда, все травы он отдаст
Кулине, местной знахарке, но его самого тут не будет...

Нередко Климу приходилось ночью идти к тяжелобольному. Поэтому и на этот раз он не
удивился стуку в окно. Вышел за ворота, из тьмы умолял хриповатый голос:

– Клим Акимыч, окажи божескую милость, поедem. Тут недалеко, верст пять до заимки.

– Ну куда ж в такую темь. Дороги не видать, – оборонялся Клим, отлично понимая, что
все же придется ехать. – Кто болен-то?

– Батя. Отец мой. Животом мается. Окромя воды, ничего не принимает. За тобой послал.
Говорит, на колени становись, умоляй, чтобы приехал. Хоть боль немного снимет, и то хорошо.

– Знаю болезнь твоего бати, ничем не помогу. Ну, ладно, едем. Пойду соберусь.

Ночь, ни зги не видно. Телега поскрипывает, лошадь фыркает, и рядом темный человек,
закутанный в свитку. Перебрали Уводь. На воде немного светлее было, въехали в лес, и опять
темень. Вдруг качнуло телегу: в нее беззвучно сел еще один темный человек. Климу такая
тишина не понравилась, но он промолчал.

Ехали часа два. Над лесом посветлело небо. Стали видны хмурые, сонные лица спутни-
ков. Правил молодой, безбородый. Подсел в лесу пожилой, лохматый. Клим видел его в про-
филь, и, хотя было еще не очень светло, этот человек показался ему знакомым. К нему и обра-
тился он:

– Так куда же меня везете? Проехали уж верст десять.

– Куда надо, туда везем, – буркнул тот и отвернулся.

– Раз так, я схожу и пойду обратно.

– Не надо, дед, свяжем.

– Вон как! – Клим поудобнее устроился и постарался задремать.

Вторая неделя прошла, а Клим не возвращался. Бабка Маланья пошла к Захарию, рас-
сказала, как увезли лекаря, и спросила, может, молебен отслужить за упокой.

– За упокой нельзя, он жив, наверное. Скажи, Маланьюшка, он вещички свои все захва-
тил?

- Не, батюшка. Все как есть осталось. Взял только малый короб со снадобьями.
- Значит, вернется, – успокоил ее поп.

Из церкви Маланья пришла к себе на двор, смотрит, на крылечке сидит старичок седенький, в белой рубаше по колена, сидит, бороду поглаживает. Увидел ее, обрадовался:

- Заждался совсем! Где ж ты так долго была?
- В храме Божьем.
- А старик где?
- В лес за лыком пошел. А тебе-то чего надобно?
- Мне все едино, что ты, что старик. Зови в избу. Видел я, что дверь не заперта, а войти побоялся.

В избе он перекрестился как положено и негромко так:

- Привет тебе, Маланья, от Клим.
- А! Слава богу! Жив! Я уж хотела...
- Жив, жив. Да вот приехал в лес лечить других, да сам захворал. Меня прислал. Просил забрать... Вот тут у него книжечка есть... – Старичок подошел к божнице и достал «Травник», завернутый в холстинку. – Вот эту самую книгу. Так уж я ее возьму, отнесу ему.
- Я не знаю как... Верить тебе аль нет?
- Верь, а как же! Так Клим может в лесу долго задержаться. Просил вас со стариком передать. – Положил на стол два серебряника.
- О! Дай Бог ему здоровья хорошего! Может, вещички какие ему нужны?
- Нет, ничего не надо. Велел травы отдать знахарке Кулине. Отцу Захарию скажи, чтоб его не поминал лихом. Ну, вот и все. Проводи меня.

Вышли, прошел будто своим огородом. Столкнул челночок в воду, переплыл на другой берег, и как не было его. Однако ж два серебряника остались.

15

Телегу затрясло на корнях, сильно трянуло. Клим проснулся, сел, протер глаза. Солнце уже на первой четверти неба, сквозь вершины деревьев проглядывает. Значит, спал часа два. Неплохо. Кругом лесная глухомань, дорога среди кустарника прорублена, следы мало заметны. Лошадь устала, еле-еле плетется нога за ногу. Мужик повернулся к нему:

- Верно говорят в народе, Клим: у тебя грехов нет. Неизвестно кто, неизвестно куда везут тебя, а ты спишь, похрапываешь!
- А что мне делать остается? Было за что убить, давно расправились бы. Грабить у меня нечего. Значит, понуждился я кому-то. Да и тебя, Микола, узнал я. Пользовал я тебя ту зиму, медведь помял тебя лихо. Лучше скажи, Микола, долго нам еще трястись?
- Да нет, маленько еще... А я думал, запоматывал ты. Ведь многих пользуешь. Вот и подъезжаем.

И тут открылась давно знакомая картина: землянки, костры, люди, одетые во что попало, с ножами у пояса, у иных сабли. Лошади под седлами, телеги, гвалт, как на ярмарке; полагал, не придется больше видеть такое, ан довелось.

Остановились около одной из землянок. Из нее вышли старые знакомцы: Неждан, совсем седой, ростом еще меньше стал, Сургун, этот нисколько не изменился – худой, подвижный и седых волос не прибавилось, Хлыст и еще трое из прежней дружины Кудеяра. Среди них Фокей, кудрявый, неунывающий. А вот и Кузька-лекарь! Усы, борода, а лицо радостное, как когда-то у мальчонки Ничейного.

Глядят на Клим, кругом обходят – он и не он! Диво дивное!

В землянке свечи горят. На нарах бледный, худой Демьян, тень прежнего Демьяна. Поцеловал его Клим, рядом сел, за руку взял, держит.

– Вот и довелось свидеться, Юрий свет... – Демьяну тяжело говорить, после каждого слова отдыхает. Дышит, будто воз на гору везет. – Не убежал ты от нас... Мы знали – жив ты...

– Повремени, Демьянушка, – прервал его Клим. – Время будет, все друг другу перескажем.

– Так мне... осталось...

– Поживешь, Демьянушка, поживешь! Говори, где болит... Тут?.. Тут? Сургун, давай подстилку новую, теплой воды. Пусть кто мой лубок из телеги принесет. Ты оставайся, а другие погуляют пускай. Вот что еще: в тенечке Демьяну постель сделайте, сейчас на воздух вынесем.

Прошло два дня. Демьян повеселел, вдосталь попивал густую сыту да разные отвары. Отчасти сам, больше друзья его рассказывали про свое житье-бытье. Особенно внимательно Клим слушал о том, как погиб Юрий-князь, как оплакивала его княгиня. Потом стали просить, чтоб Клим рассказал, как он Климом стал.

– Что ж, расскажу, друзья мои. Мы только что слышали, как умер князь Юрий Васильевич. Похоронен он Нежданом со товарищами на крутом берегу Польного Воронежа. Вечная слава ему! – Среди слушателей возник шум удивления. Клим внимательно посмотрел на присутствующих и четко, со значением выговаривая каждое слово, продолжал: – А ежели остался б жив он с приметным уродством, вроде как у меня, его сразу словили б и предали мучительной смерти. Так хорошо, что его Бог прибрал. Помянем его за упокой души!.. А вот про Клима, то есть про себя, я все расскажу без утайки. После сечи с татарами остался жив. Выходила меня девонька неразумная, Весела. Стал я лекарем, прежде всего себя вылечил, потом стал людей пользоваться...

Подробно обо всем рассказал Клим и закончил такими словами:

– Вот об этом чудесном исцелении все должны знать. А теперь, я вижу у Дорофея Сургуна жбан. Помянем князя Юрия иже с ним!

Второй ковшик выпили за здоровье лекаря Клима.

А Демьян на Клима смотрит во все глаза и радуется без меры. Да и как же не радоваться. Боли поутихли, бодрее стал, говорить начнет – не задыхается. Правда, нутро еще еду не принимает. Но Клим говорит, что скоро он поправится, стало быть, так и будет. С удивлением Демьян спрашивает:

– Свет Клим, где это ты такому научился? Подойдешь ко мне, брюхо болеть перестает. Руку положишь – тепло по всему телу разойдется, разольется. Особенно когда ту, правую неправую. Откуда у тебя это?

– Жизнь научила, Демьянушка. Лихая жизнь досталась мне, а на легкую, пожалуй, не поменяю.

К вечеру Сургун отвел Клима в лес:

– Скажи мне, Юрий Васильевич, откуда ты великую тайну Жизни и Смерти познал? Я ведь хворобу Демьянову знаю. Если бы ты не приехал, ему жить осталось от силы день-два. А он, смотри, садиться начал! Неужели взаправду поправится?!

– Дорогой мой Дорофеюшка! Никто не знает тайну Жизни и Смерти. А воскрешать мертвых может только Господь Бог наш. Может, полгода назад я и вылечил бы его, а теперь поздно. Смерть у Демьяна за плечами стоит. А ожил он потому, что поверил в меня, на этой вере из последних сил и держится.

– А надолго веры хватит?

– Около него я должен все время быть. Седмицы две протянет. Может, даже ходить начнет. А потом смерть придет легкая. Сразу как ножом отрежет.

– Вон оно как! Ты здорово сильнее меня, я так не могу! Так я к чему разговор завел: мне на пасеку идти надо, я бортничать ухажу, а ребята помогают мне мед доставать. Ты меня обнадежил, я уйду, а через две седмицы вернусь.

– Иди, я останусь. Вот что ты мне скажи, Дорофей: как вы разыскали меня?

– Через Настеньку. Она тогда в соборе узнала тебя. Приметы твои сказала. Мы тут опросили всех атаманов, когда вместо Демьяна Кудеяра выбирали. Тебя по приметам Микола-конюх узнал. Ходил я в Уводье на тебя посмотреть.

– Ты не сказал Настеньке, что князь Юрий жив?

– Да нет, зачем.

– Правильно, незачем. Представится случай, убеди, что князь мертв. Ошиблась она. Клим же на север ушел, в пустыне живет... Ты часто Настеньку видишь?

– Вижу каждый раз, как мед привожу. Она теперь – сестра Нионилла, правая рука игу-менья. И жалко мне ее – краса под рясой погибает, и радостно – все грехи ряса прикрыла.

Сургун рассказывал про свою внучку, а Климу хотелось услышать о Таисии. Все-таки не выдержал и спросил:

– А боярышня как?

– А что, разве я не сказал? Боярышня Таисия теперь мать Тавифа, игуменья Девичьего монастыря. Уж года два, наверное...

16

Когда Демьян бодрствовал, около него постоянно находился Клим, ухаживал за ним. По совету любимого лекаря больной старался спать не только ночью, но часто и днем. Вот тогда Климу удавалось отлучаться и беседовать с новым Кудеяром. Это был один из бывших учеников Юрия – Тарас Крутой. Сейчас было ему за сорок. Беседуя с ним, Клим хотел повлиять, чтобы Кудеярово братство стало именно братством для многих людей, отважившихся бежать от произвола и несправия. Но, к своему ужасу, он видел, что перед ним обозленный человек, не имеющий ничего святого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.